Александр Клепиков



НЕЗНАКОМЕЦ, КОТОРЫЙ ЗНАЛ ВСЁ

КНИГА 1

Александр Клепиков

Незнакомец, который знал всё. Книга 1

https://litres.ru/73526773
SelfPub; 2026

Аннотация

Рейс Москва - Лондон. Четыре часа полёта.

Рядом - он.

Психолог? Мистификатор? Или действительно один из рода направляющих человечество?

- Ты можешь спросить о чём угодно, - говорит он. - Я отвечу. Вопрос только в одном: сможешь ли ты поверить?

Он говорит о душе, реинкарнации, истине. О том, что люди давно забыли, но продолжают искать. Его слова похожи на правду - не ту, что навязывают, а ту, что всегда жила внутри, но спала.

Ева не верит. Но внутри что-то начинает меняться.

А потом самолёт открывает свои загадки.

Люди исчезают. Почему они уходят? Куда?

Четыре часа. Один разговор. И дверь, за которой не просто темнота.

Содержание

Глава 1 "Скованность" 4
Глава 2 "Сомнение" 17
Глава 3 "Решимость" 31
Глава 4 "Воспоминание" 44
Глава 5 "Осознание" 56
Глава 6 "Волнение" 68
Глава 7 "Нагнетание" 80
Глава 8 "Шок" 93
Глава 9 "Выбор" 106
Глава 10 "Возвращение" 118
Конец ознакомительного фрагмента. 119

Александр Клепиков Незнакомец, который знал всё. Книга 1

Глава 1 "Скованность"

Терминал D аэропорта Шереметьево гудел, как встревоженный улей. Ева стояла у огромного окна и смотрела, как серый, тяжелый от влаги самолет выруливает на взлетную полосу. Осень вкрадывалась в стекло мелкой моросью.

В руке она сжимала свой билет. Лондон, в который она летела не за деньгами или славой, а от всего и сразу. От разорванных отношений, от тупиковой работы в крошечной фирме, от ощущения, что жизнь, которую она представляла к двадцати семи, где-то свернула не на той развилке. Она бежала. Бежала так быстро, что купила билет в один конец, даже толком не зная, где будет жить и что будет дальше.

Вокруг ожидали пассажиры бизнес-класса с идеальными кейсами, женщины как с обложки журнала, мужчины с часами, которые стоили как ее подержанная «Мазда». Ева чувствовала себя чужой в этом потоке. В своем стареньком, но любимом шерстяном пальто и стоптанных туфлях, которые казались ей верхом практичности, она была белой вороной.

«Я просто сяду в самолет, – подумала она, – а дальше будет видно».

Очередь на посадку напоминала змею. Ева нашла свое место – у окна, 14С. Протискиваясь к креслу, она зацепилась рукавом за подлокотник и, подняв глаза, чтобы извиниться перед соседом, замерла.

Мужчина уже сидел. Смотрел твердо в сторону, но как будто насквозь через всех, немного свалившись на правую руку.

Пока она укладывала чемодан на верхнюю полку, краем глаза Ева разглядывала его. Серый костюм. Не тот, что носят офисные менеджеры, а другой – ткань мягкая, тяжелая, сидит так, будто сшита на него лично. Руки. Спокойные, уверенные. На левой – часы. Не вызывающе золотые, а сдержанные, с темным циферблатом, которые кричали о статусе тихо, но убедительно. «Дорого, очень дорого», – мелькнуло у нее в голове. Такие люди обычно сидят в бизнес-классе и пьют виски, а не трутся в экономе рядом с ней.

– Простите, – пробормотала она, наконец плюхаясь в кресло.

Он медленно повернул голову в ее сторону, не показывая никаких эмоций.

И на секунду в салоне самолета, где гудели двигатели и переговаривались стюардессы, стало тихо. Не физически, а как-то… по-другому. Его взгляд был цепким, но не тяжелым. Он смотрел так, будто видел не просто девушку с нелов-

кими движениями, а что-то глубже, что-то, чего она сама в себе еще не разглядела. Каменное выражение лица сменилось спокойным, непринужденным.

– Ничего страшного, – сказал он.

Голос оказался под стать всему остальному – низкий, спокойный, без суеты. И Ева вдруг поймала себя на мысли, что ей, отчаянно не любящей пустые разговоры с незнакомцами, захотелось, чтобы он заговорил снова.

Самолет начал выруливать на взлетную полосу. Ева, чтобы скрыть неловкость после его короткой фразы, уставилась в иллюминатор, наблюдая, как капли дождя разбегаются по стеклу.

Вдруг мужчина рядом едва заметно повернул голову в ее сторону.

– Вы впервые так далеко от дома, – сказал он. Это был не вопрос. Утверждение, произнесенное с абсолютной уверенностью.

Ева вздрогнула и повернулась к нему.

– Откуда вы… – начала она, но осеклась.

Он не смотрел на нее. Его взгляд был направлен куда-то сквозь кресло впереди, но она физически ощущала, что он видит именно её.

– Ваши пальцы, – спокойно пояснил он, не меняя позы. – Сжимают подлокотник так, будто это единственное, что держит вас на земле. А глаза ищут за окном не небо, а что-то, что вы оставляете внизу.

Ева непроизвольно разжала пальцы. Ей стало не по себе от того, как точно он прочитал её жест.

– Это просто… просто перелет. Я их боюсь, – произнесла она, соврав. Она боялась не перелета, а того, что будет после.

Мужчина чуть склонил голову, словно прислушиваясь к чему-то, чего она не слышала.

– Нет. Вы не боитесь высоты. Вы боитесь, что там, внизу, уже не за что зацепиться. Но страх – это всего лишь инерция. Как у этого самолета перед взлетом. Он кажется тяжелым и неуклюжим ровно до того момента, пока не оторвется от полосы.

Его слова, спокойные и уверенные, заставили её сердце биться чаще. Он говорил о ней то, о чем она даже себе не могла признаться.

– Вы психолог? – спросила она с нервной усмешкой.

Он наконец посмотрел на неё прямо. В его глазах не было тепла, но не было и холода. Была какая-то пугающая, древняя умудренность.

– Нет. Я тот, кто давно научился смотреть. Обычно люди не видят дальше своего носа. Им мешает многое: часы на запястье, марка автомобиля, цвет пальто. – Он мельком взглянул на её старенькое пальто, но без презрения. – Вы носите старую, удобную вещь, потому что она хранит ваше тепло. А женщина у прохода сменила сумочку, чтобы соответствовать новому мужчине, но он уже смотрит на другую.

Ева рефлекторно глянула на женщину с идеальной уклад-

кой через проход. Та нервно теребила прядь волос, украдкой бросая взгляды на мужчину через два кресла, который демонстративно читал планшет.

– Откуда… – прошептала Ева, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Женщина через проход действительно сменила сумочку – Ева заметила это еще при посадке, но не придала значения. А теперь это «совпадение» обретало вес.

– Вы следили за ними? – спросила она шепотом.

Он не ответил. Только чуть наклонил голову, словно рассматривая забавную анимацию монитора на борту.

– За ними не нужно следить. Они сами рассказывают всё, что нужно. Смотрите.

Он кивнул в сторону женщины. Та как раз поправила волосы, обнажив запястье с часами – тонкими, изящными, будто явно хотела похвастаться.

Мужчина через два кресла смахнул страницу планшета, даже не взглянув на неё.

– Ей сорок три, – тихо сказал незнакомец. – Двое детей, которые уже не звонят. Развод три года назад, инициатор – она. Новые часы купила себе сама месяц назад, чтобы чувствовать себя достойной. Сумочку одолжила у подруги. Мужчина, на которого она смотрит, младше на девять лет. Он знает, что она смотрит. Это его развлекает. Но он останется с женой, потому что жена владеет половиной бизнеса, а он – только своей молодостью.

Ева перестала дышать.

– Это… это невозможно, – выдохнула она.

– Почему?

– Потому что… вы не могли этого знать.

Он повернулся к ней. И в его глазах – тех самых, без тепла и холода – мелькнуло что-то, отдаленно напоминающее усталость.

– Знать, – повторил он. – Вы думаете, что знание – это то, что можно прочитать в книге или подсмотреть в чужой телефон. Нет. Знание – это когда вы убираете всё, что вам мешало видеть.

Самолет дернулся, набирая скорость перед взлетом. Двигатели взревели, прижимая Еву к креслу. Она вцепилась в подлокотники – и тут же вспомнила его слова про пальцы. Разжала. С усилием, но разжала.

Он заметил.

– Уже лучше, – сказал он.

– Кто вы? – спросила Ева, перекрикивая гул.

– Я уже ответил. Тот, кто научился видеть.

– Но зачем вы говорите это мне? Случайной соседке в самолете?

Шасси оторвались от полосы. Самолет провалился в воздушную яму на секунду, и Ева судорожно вздохнула. Незнакомец сидел неподвижно, как скала.

– Случайностей нет, – сказал он, когда гул двигателей стал ровнее. – Вы купили билет за три дня до вылета. Вашу

предыдущую соседку пересадили из-за того, что у нее оказался лишний багаж. Контролер в зоне посадки замешкался ровно на семь секунд, пропуская вас вперед. Все эти мелочи сложились в одну линию, чтобы вы сидели здесь, напротив меня. В 16:31 по московскому времени.

Ева молчала. Ей казалось, что земля уходит из-под ног быстрее, чем самолет набирает высоту.

– Я не понимаю, – прошептала она.

– Конечно, не понимаете, – кивнул он. – Понимание приходит потом. Сначала приходит встреча.

– Встреча с кем?

– С собой, – он чуть склонил голову к плечу, глядя на неё теперь мягче. – Той, которую вы пытались оставить внизу. Она не осталась. Она здесь, в этом кресле. И она только что сделала первый шаг – разжала пальцы.

Стюардесса начала разносить напитки. Ева смотрела на профиль своего соседа, на его спокойные руки, на темный циферблат часов и чувствовала, что мир, такой привычный и понятный, начинает вращаться в другую сторону.

– Что мне делать? – спросила она тихо.

Он взял стакан воды, который предложила стюардесса, и поставил перед ней.

– Просто сидеть. Смотреть. Слушать. Не искать ответы – они найдут вас сами. Но только если вы перестанете убегать.

– Я не убегаю, – возразила она, но в голосе не было уверенности.

Он ничего не ответил. Только посмотрел на неё – и Ева вдруг поняла, что он видит её насквозь. Видит ту самую квартиру, которую она сдавала в спешке. Видит того мужчину, чьи вещи она сложила в пакеты и оставила у двери. Видит работу, которую она ненавидела, и страх, который заставил её купить билет в один конец.

– Хорошо, – сказала она, сдаваясь. – Я убегаю. И что?

– А это уже правильный вопрос, – уголок его губ дрогнул. Не улыбка. Что-то другое, одобрительное. – Теперь вы хотя бы знаете, что бежите. Половина людей на этом самолете умрут, так и не поняв этого.

Ева вздрогнула от слова «умрут».

– Это шутка?

– Нет, – он сделал глоток воды. – Но и не угроза. Просто факт. Как погода за бортом.

Она посмотрела в иллюминатор. Там была только серая облачная пелена. Где-то там, за ней – Лондон. Неизвестность. Новая жизнь. Или просто другой адрес для старой.

– Вы будете в Лондоне? – спросила она, не надеясь на ответ.

– Буду, – кивнул он. – Но это не значит, что мы встретимся снова. Встречи – это всегда выбор. Сегодня выбрали вы.

– Я? – она удивилась. – Я просто села в самолет.

– Вы выбрали разжать пальцы, – сказал он. – Остальное приложится.

За иллюминатором облака кончились, и Ева увидела небо.

Не такое, как в Москве. Другое. Чистое, холодное, бесконечное. И впервые за долгое время ей показалось, что дышать стало легче.

Она хотела спросить еще что-то, но слова застряли в горле.

– Вы так и не сказали, кто вы, – наконец выдохнула Ева.

Незнакомец поставил стакан на откидной столик. Движение было спокойным, замедленным, словно он существовал в другом временном потоке.

– Вы когда-нибудь задумывались, почему люди рождаются в определенных семьях? – спросил он вместо ответа. – Почему один ребенок получает все, а другой – ничего? Почему одни умирают в пять лет от болезни, а другие доживают до ста, потеряв всякий смысл?

Ева моргнула, сбитая с толку сменой темы.

– Ну… случайность. Несправедливость.

– Случайность, – повторил он с тенью усмешки. – Удобное слово. Им прикрывают всё, чего не могут объяснить. Но вы же сами не верите в случайности. Иначе не смотрели бы сейчас на меня так, будто я прочитал ваш дневник.

Она промолчала.

– Что, если я скажу вам, – продолжил он тише, так что пришлось наклониться ближе, – что души выбирают свои семьи задолго до рождения? Что болезни и потери – не наказание, а контракт, который вы подписали сами, еще до того, как впервые вдохнули?

– Контракт? – тихо повторила Ева. – Зачем кому-то подписывать контракт на страдания?

– А кто сказал, что цель жизни – избежать страданий? – его бровь чуть приподнялась. – Может быть, цель – вспомнить, кто ты есть. А страдания – просто инструмент. Самый грубый, но иногда единственно работающий.

Самолет слегка дернулся. Ева схватилась за подлокотник – и снова разжала пальцы, вспомнив. Незнакомец кивнул, заметив это.

– Хорошо. Учитесь быстро.

– Это не ответ, – выдохнула она.

– А вы не задали вопрос.

Ева собралась с мыслями. В голове крутилось столько всего, что она не знала, за что ухватиться.

– Хорошо. Кто вы?

– Я уже ответил. Тот, кто научился видеть.

– Это не ответ! – в ее голосе прорезалось раздражение. – Вы говорите загадками, читаете чужие мысли, пугаете людей… Зачем?

Он молчал ровно столько, чтобы тишина стала невыносимой.

– Затем, – сказал он наконец, – что через несколько дней вам предложат выбор. Вы даже не поймете, что это выбор. Вам покажется, что это просто стечение обстоятельств. Но от того, как вы поступите в ту секунду, изменится всё.

– Какой выбор? – Ева подалась вперед.

– Если я скажу – я его разрушу. Вы сделаете не то, что выбрали бы сами, а то, что подсказал вам я. И тогда вы никогда не узнаете, способны ли вы видеть без моих подсказок. Я многое не могу сказать.

– Это жестоко.

– Почему? Жестоко? – он посмотрел на неё с непроницаемым лицом. – Жестоко – дать рыбу голодному один раз. Научить ловить – милосердно. Я не даю вам рыбу. Я просто показываю, где океан.

Она откинулась на спинку кресла, чувствуя, как внутри закипает странная смесь страха и злости.

– Вы играете со мной.

– Нет. Игра – это когда есть правила, известные обоим. Вы пока даже не видите доску.

Ева закрыла глаза. Гул двигателей заполнял голову. Ей хотелось, чтобы он исчез. Чтобы этот разговор оказался сном. Но когда она открыла глаза, он сидел на том же месте, глядя в иллюминатор.

– Хорошо, – сказала она. – Тогда скажите хоть что-то. Что угодно. Чтобы я поняла, что не схожу с ума.

Он повернулся. Взял её ладонь – прохладными, сухими пальцами – и перевернул. Провел по линии жизни, не касаясь, просто ведя пальцем в миллиметре от кожи.

– Думаете, я вам погадаю? – сказал он.

– Нет, – улыбнувшись.

– Просто расслабьтесь. – Понимаю, что тяжело. – Он ти-

хонько отпустил руку. – Вы можете спросить еще что-то. У вас есть хорошая возможность получить много ответов. Такими, какие они есть. Но учтите: каждый мой ответ будет рождать десять новых вопросов. Это неизбежно. Знание – это не ответы. Это расширение территории незнания.

Ева смотрела на ногти. Один из них слегка облез.

– Дааа… «И тут не порядок», – подумала она, неестественно улыбнувшись.

Она чувствовала, что её жизнь только что разделилась на «до» и «после». И «после» началось не в Лондоне. Оно началось здесь, на высоте десять тысяч метров, рядом с этим человеком, имя которого она даже не знала.

– Почему я? – спросила она, не оборачиваясь. – Почему вы заговорили именно со мной?

– А вы до сих пор не поняли? – в его голосе послышалось что-то странное. Не насмешка – сожаление. – Я заговорил не с вами, Ева. Я ответил. Вы спросили.

– Я ничего не спрашивала! Я просто села в кресло!

– Не вы. – Ваша душа, – тихо сказал он. – Я просто оказался рядом, когда она позвала.

Она резко повернулась к нему.

– И что мне теперь делать с этим?

– Жить, – пожал он плечами. – Жить и помнить, что однажды вы разжали пальцы. А когда наступит момент выбора – вспомните этот разговор. Не мои слова. Свои ощущения. Свой страх. Своё любопытство. И выбирайте сердцем. Оно

помнит то, что мозг давно стер.

– А если я ошибусь?

– Ошибиться нельзя, – он посмотрел ей прямо в глаза. – Можно только учиться. Или не учиться. Но плата за второй вариант – еще одна жизнь в той же школе. Со следующей Евой, с другим самолетом, с новым попутчиком. Вам правда хочется проходить это снова?

Глава 2 "Сомнение"

Самолет набирал высоту. Ева смотрела в иллюминатор, где Москва таяла в облачной дымке, и чувствовала странную пустоту внутри. Город, в котором она прожила двадцать семь лет, становился маленьким и чужим, как игрушечный макет.

– Уходит, – тихо сказала она, сама не зная, к кому обращается.

– Ничто не уходит по-настоящему, – отозвался сосед. Он сидел всё так же неподвижно, глядя прямо перед собой, но Ева уже привыкла к этой его манере – видеть всё, даже не поворачивая головы.

Она повернулась к нему.

– Вы про Москву?

– Про всё, – он чуть повел плечом. – То, что мы оставляем физически, остается с нами энергетически. Люди, места, события. Они становятся частью нас. Поэтому вы и бежите не от города. Вы бежите от себя в этом городе. Но себя не оставишь внизу, как старый чемодан.

Ева вздохнула. Он снова прав, хоть и хочется спорить.

– Вы обещали рассказать про контракты, – напомнила она. – Про то, что души выбирают семьи до рождения. Это как-то… жестоко звучит. Зачем душе выбирать страдания?

Он медленно повернул голову и посмотрел на неё. В глазах – всё та же древняя усталость, смешанная с чем-то похо-

жим на сострадание.

– Вы смотрели когда-нибудь на детей в песочнице?

– Что? – Ева растерялась от неожиданной смены темы.

– На детей в песочнице, – повторил он. – Они играют. Иногда ссорятся, отнимают игрушки, плачут. Но если приглядеться – они учатся. Делиться, отстаивать, договариваться, проигрывать. Для них это игра. А для родителей – воспитательный процесс.

– К чему вы ведете?

– К тому, что вы путаете уровни, – терпеливо объяснил он. – Душа, которая выбирает воплощение, смотрит на жизнь не так, как вы сейчас. Для неё это – песочница. Инструмент для роста. Она знает, что страдания временны, что смерть – не конец, что боль – это просто сигнал. Как для спортсмена боль в мышцах после тренировки.

– Приятного мало, – буркнула Ева.

– Согласен, – кивнул он. – Мало. Но эффективно. Ничто так не учит, как дискомфорт. Пока вам тепло и сытно – вы спите. Как только становится холодно и голодно – вы просыпаетесь и начинаете искать выход.

– То есть Бог – это такой тренер? Садист, который хочет, чтобы мы мучились?

Он усмехнулся – едва заметно, уголком губ.

– Бог – не садист. Бог – это Источник. Энергия. Любовь, если хотите. Но любовь не всегда означает «гладить по головке». Иногда любовь – это позволить упасть, чтобы научился

вставать. Иногда – отправить в самую сложную школу, чтобы вырос сильным.

– И много школ у меня было? – спросила Ева с вызовом.

– Достаточно, – он посмотрел на неё внимательно. – Вы не новичок. Были воплощения и попроще, и посложнее. В этой вы взяли на себя много – отношения, карьерный тупик, потерю ориентиров. Но это не наказание. Это – ваш собственный выбор.

– Зачем? Зачем мне выбирать такое?

– Затем, что в прошлый раз вы не доучились, – просто сказал он. – Остались должны самой себе. И решили закрыть долг в этой жизни. Сделать сложный участок, чтобы потом выдохнуть.

Ева молчала, переваривая. Мысли путались, но где-то глубоко внутри, под слоем скепсиса и страха, шевелилось странное согласие. Будто она всегда это знала, но забыла.

– Ладно, – сказала она наконец. – Допустим, я выбрала. А как же другие? Мои родители, например. Они тоже выбирали?

– Конечно.

– И моя бабушка?

При упоминании бабушки лицо Евы неуловимо смягчилось. Он заметил.

– Расскажите о ней, – попросил он. Не приказал – именно попросил, и в голосе впервые за всё время появилось что-то человеческое.

– Бабушка? – Ева удивилась. – Зачем?

– Затем, что в простых историях часто прячется больше истины, чем в философских трактатах. Расскажите.

Ева задумалась, перебирая воспоминания. Их было много – бабушка прожила долгую жизнь, ушла тихо, во сне, оставив после себя шкаф с вареньем и гору фотографий.

– Была у неё подруга, тётя Оля, – начала Ева и неожиданно улыбнулась. – Они дружили лет шестьдесят, с самой юности. Вместе в войну работали в госпитале, вместе голодали, вместе детей растили. А потом, на старости лет, поссорились.

– Из-за чего?

– Из-за рассады, – Ева фыркнула, вспоминая. – Тётя Оля дала бабушке рассаду помидоров, сказала, что сорт редкий, «бычье сердце». Бабушка посадила, поливала, ухаживала, а выросли обычные красные, мелкие. Бабушка к тёте Оле: «Ты что мне подсунула?» А та: «Я тебе лучшее дала, а ты неблагодарная». И понеслось.

Она рассмеялась – легко, по-настоящему.

– Они не разговаривали три месяца. Три месяца! Две старухи, которым за восемьдесят, дулись друг на друга из-за помидоров. Вся деревня обсуждала. А потом бабушка собралась и пошла. Просто взяла банку своего варенья, пришла к тёте Оле и сказала: «Оль, дура ты, но подруга лучше не нашлась. Давай мириться, пока не померли». И та ей: «Сама дура. Иди чай пить».

Она замолчала, чувствуя, как в горле застревает ком.

– Они просидели на кухне до ночи, пили чай, перебирали фотографии. А наутро тётя Оля не проснулась. Просто умерла во сне. Бабушка потом говорила: «Если бы я тогда не пошла, я бы себе этого не простила никогда».

– Хорошая история, – тихо сказал незнакомец.

– Грустная.

– И хорошая, и грустная. В ней есть главное – выбор. Бабушка могла остаться при своём, могла продолжать дуться, могла ждать, пока тётя Оля одумается. Но она выбрала пойти. И успела.

Он помолчал.

– Это и есть тот самый контракт, Ева. Не в помидорах дело. Дело в том, что две души договорились когда-то давно: «Мы встретимся в этой жизни, пройдём через ссору, чтобы ты научилась прощать первой, а я – принимать прощение». И они прошли. Обе выучили урок. Тётя Оля ушла, зная, что её любят. Бабушка осталась, зная, что успела.

Ева вытерла глаза, смущаясь своей слабости.

– Вы хотите сказать, что бабушка и тётя Оля… спланировали это? Специально поссорились из-за рассады?

– Не специально. Но на уровне души – согласились на такой сценарий. Потому что знали: только через эту глупую ссору они смогут открыть сердца по-настоящему. До этого они просто дружили – по привычке, по многолетней инерции. А после – выбрали друг друга заново.

Она молчала, обдумывая.

– А что с теми, кто не успевает? – спросила наконец. – Кто умирает в ссоре, не помирившись?

– Встречаются в следующей жизни, – пожал плечами он. – И снова проходят те же уроки. Только уже в других декорациях. Могут стать врагами, конкурентами, нелюбящими супругами. Пока не поймут, что за игрой в «кто прав, кто виноват» стоит что-то большее.

– Жестокая система, – покачала головой Ева.

– Нет, – возразил он. – Справедливая. У вас есть вечность, чтобы научиться любить. И бесконечное количество попыток. Что в этом жестокого?

Она хотела ответить, но не нашла слов. В самом деле – что?

– А как же религии? – спросила она, меняя тему. – Они учат тому же? Про любовь, про прощение?

Он усмехнулся – на этот раз горько.

– Религии, Ева… это сложная тема. Скажите, вы когда-нибудь играли в игру, где правила меняются по ходу?

– Бывало.

– Представьте, что кто-то написал правила раз и навсегда. И сказал: «Только так можно выиграть. Все другие пути – проигрыш». И вы играете по этим правилам, стараетесь, а потом оказывается, что тот, кто их написал, сам в них не играет. И правила меняет, когда ему выгодно.

– Про что вы?

– Про то, что любая религия, любой институт, любая си-

стема – это инструмент, – он говорил тихо, но каждое слово врезалось в тишину салона. – Инструмент управления. Сначала – толпой, потом – обществом, потом – государствами. Изначально в них был свет. Приходили Учителя, несли знание, учили любви. А потом приходили другие – те, кто говорил: «Я сохраню это знание для вас. Я буду вашим посредником. Вы не можете общаться с Богом напрямую, вам нужен я».

– Священники?

– Не только. Любая власть. Любая структура, которая говорит: «Ты сам не справишься, дай мне, я решу». Это работает со всем – с деньгами, с отношениями, с верой.

Ева нахмурилась.

– Вы атеист?

– Я – всё, что угодно, только не атеист, – он улыбнулся краешком губ. – Я знаю, что Бог есть. Так вы Его называете. Создатель, которого я знаю, не помещается ни в одну книгу, ни в одну церковь, ни в одно учение. Создатель – это Высший Разум. Энергия. Любовь, которая не требует посредников.

– Но в писаниях же есть истина? – неуверенно спросила Ева. – Не может же быть, чтобы всё было ложью?

– Конечно, есть, – кивнул он. – Истина рассыпана по всем писаниям, как жемчуг по дну океана. Но чтобы её собрать, нужно нырять самому. А большинству дают готовые бусы и говорят: «Это единственное украшение. Других не ищи».

– И люди ищут?

– Редко. Потому что страшно. Потому что удобно, когда за тебя уже всё решили. Вот рай, вот ад, вот грехи, вот добродетели. Живи по списку – и будет тебе счастье. А если не будет – значит, ты плохо старался.

– А на самом деле?

– На самом деле истина – живая. Сегодня она здесь, завтра – там. И чтобы её увидеть, нужно научиться чувствовать. Не головой – сердцем. Тем местом, которое откликнулось на историю про бабушку и тётю Олю.

Ева задумалась.

– А как же те, кто управляет миром? – спросила она. – Президенты, миллиардеры, главы корпораций? Они знают эту истину? Они ближе к Богу, потому что у них власть?

Он рассмеялся – впервые вслух, тихо, но искренне.

– Ближе к Богу? – переспросил он. – Ева, власть – это самое большое испытание. Самая тяжелая ноша. Те, кто рвутся к ней, обычно меньше всего готовы её нести. А те, кто готовы – чаще всего не рвутся.

– Но они же управляют нами, – возразила она. – Принимают решения, от которых зависят миллионы.

– Управляют, – согласился он. – Но знаете, в чём главный секрет?

– В чём?

– Они такие же пешки, как и вы. Просто на других клетках.

Ева моргнула.

– Пешки? Элиты? Те, у кого частные самолеты и яхты?

– А вы думаете, яхта приближает к Богу? – усмехнулся он. – Или отдаляет? Скорее второе. Потому что создаёт иллюзию, что ты уже всё получил. Что искать больше нечего. А когда искать нечего – душа закисает. Начинает болеть. Искать утешения в ещё большей власти, ещё больших деньгах, ещё больших рисках. Это зависимость. Как наркотик.

Он помолчал.

– Они не знают, зачем всё это. Просто играют в игру, правила которой написаны до них. Думают, что выбирают. На самом деле выбирают из того, что им подсунули.

– Кто подсунул?

– Система. Те, кто стоял до них. Те, кто писал правила. Те, кто заинтересован, чтобы вы думали, будто у вас есть свобода выбора. Но выбираете вы всегда из нескольких вариантов, и все они – ложь.

– Все? – Ева похолодела. – То есть то, что я сейчас выбираю – это тоже ложь?

– Не всё, – он покачал головой. – Есть вещи, которые система не контролирует. Ваши чувства. Ваши воспоминания. Вашу способность любить. Это – настоящее. Всё остальное – декорации.

Она вспомнила бабушку. Тётю Олю. Помидоры. Чай на кухне до ночи.

– Это система не контролирует? – тихо спросила она.

– Нет, – твёрдо ответил он. – Потому что это идёт из души.

А душа – не отсюда. Она приходит в этот мир, чтобы учиться. Но она не принадлежит этому миру. И никакая система, никакая элита, никакая власть не может до неё добраться, если вы сами не отдадите ключи.

– А я отдала?

– Отдавали, – кивнул он. – Много раз. Верили тем, кто говорил, что знает лучше. Что за вас решит. Что укажет путь. Но сейчас – не верите. Иначе не сидели бы здесь и не задавали эти вопросы.

– А другие? – спросила Ева. – Те, кто верит? Те, кто ходит в церковь, голосует за президентов, покупает то, что рекламируют? Они – потеряны?

– Нет, – мягко сказал он. – Они просто спят. Им нужен сон, чтобы пережить эту жизнь. Будут готовы – проснутся. Может, в этой. Может, в следующей. У вечности много времени.

Самолет качнуло. Ева автоматически вцепилась в подлокотник – и снова разжала пальцы.

– Учитесь, – одобрительно кивнул он.

– А вы? – спросила она. – Вы давно проснулись?

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

– Я не сплю уже много жизней. Но это не значит, что я знаю всё. Это значит только то, что я перестал искать ответы снаружи и начал искать внутри.

– И нашли?

– Нахожу. Каждый день. Это не точка, Ева. Это процесс.

Бесконечный. Как дыхание.

Она вспомнила его первые слова про пальцы. Про страх. Про то, что она боится не высоты, а того, что внизу уже не за что зацепиться.

– А за что цепляться? – спросила она. – Если всё, что нам показывают – ложь, если элиты – пешки, если религии – инструменты… За что тогда держаться?

– За себя, – просто сказал он. – За ту себя, которая смеялась над бабушкой и тётей Олей. За ту, которая разжала пальцы. За ту, которая сейчас задаёт эти вопросы. Вот за неё и держитесь.

– А если я её потеряю?

– Не потеряете, – уверенно сказал он. – Она всегда с вами. Просто иногда вы её заглушаете чужими голосами. Но она ждёт. Терпеливо. Потому что знает: вы вернётесь.

– Откуда она знает?

– Потому что она – это вы. Настоящая. А настоящее никуда не уходит. Оно просто прячется, когда слишком больно. Но когда вы готовы – оно выходит и говорит: «Я здесь. Я всегда была здесь».

По салону прошла стюардесса с напитками. Ева взяла воду, хотя не хотела пить. Просто чтобы занять руки.

– Нам ещё долго лететь? – спросила она.

– Достаточно, – ответил он. – Чтобы вы успели спросить всё, что хотите. Или ничего не спрашивать – тоже вариант.

– Я хочу, – быстро сказала Ева. – Хочу понять.

– Понимание не приходит из вопросов, – покачал он головой. – Понимание приходит из тишины после них. Когда вы спрашиваете, вы открываете дверь. Когда замолкаете – входит ответ.

Она замолчала. Сделала глоток воды. Посмотрела в иллюминатор – закат.

– Красиво, – сказала она.

– Что именно?

– Не знаю. Просто… красиво. Небо в таких цветах. Мы здесь, в этой железной коробке, летим неизвестно куда. А внизу люди живут, спят, любят, ссорятся, мирятся. И ничего не знают про нас.

– Про вас, – поправил он. – Про вас они не знают. А про меня… про меня знают немногие. И то – не всё.

– А кто вы на самом деле? – в который раз спросила Ева. – Я понимаю, что вы не ответите. Но хотя бы намёк?

Он помолчал. Потом повернулся к ней и посмотрел прямо в глаза.

– Скажем так: я – тот, кто однажды тоже сидел в таком же кресле и задавал такие же вопросы. А потом научился на них отвечать. И теперь моя задача – не давать ответы, а будить тех, кто готов проснуться.

– Будить?

– Да. Не учить. Не наставлять. Не спасать. Просто будить. Легонько. Как утром – плечиком тронуть. Дальше человек сам встаёт. Или переворачивается на другой бок и спит даль-

ше. Это его выбор.

– А я? Я встала?

– Вы сели, – усмехнулся он. – В самолёт. Разжали пальцы. Задали вопросы. Это уже больше, чем делают многие. Но встать вам придётся самой. И не здесь.

– А где?

– Там, – он кивнул в сторону иллюминатора. – В Лондоне. В новой жизни. В новых обстоятельствах. Там будет момент – вы его узнаете. И тогда вспомните этот разговор. Не мои слова – свои ощущения. Свой страх. Своё любопытство. И выберете.

– А если ошибусь?

– Ошибиться нельзя, – в который раз повторил он. – Можно только учиться. Или не учиться. Но плата за второй вариант – ещё одна жизнь в той же школе. С новыми учителями, с новыми уроками. Вам правда хочется проходить это снова?

Она покачала головой.

– Нет. Не хочется.

– Тогда просто дышите. Смотрите. Слушайте. И помните: истина не там, где громче всех кричат. И не там, где красивее всех пишут. Она там, где тихо. Внутри. Как тот смех, которым вы смеялись над бабушкой. Вот там и ищите.

Он замолчал. И Ева поняла, что разговор окончен. Не потому, что он не хочет говорить. А потому, что всё главное уже сказано. Остальное – за ней.

Самолет летел сквозь закат. Где-то впереди был Лондон.

Где-то позади – Москва. А здесь, на высоте десять тысяч метров, в тесном кресле эконом-класса, сидела Ева и смотрела на спокойный профиль человека, имени которого не знала.

И чувствовала, что внутри, в самой глубине, что-то меняется. Не громко, не резко. Тихо, как дыхание. Как яркий свет в иллюминаторе, которого ещё нет, но который обязательно будет.

Глава 3 "Решимость"

Она сама не заметила, как провалилась в сон. Гул двигателей стал далеким, почти музыкальным. Соседние кресла растворились в темноте.

Ей семь лет. Она стоит на крыльце деревенского дома. Бабушка рядом, гладит по голове шершавой ладонью. Во дворе – женщина в длинном платье, которой Ева никогда раньше не видела. Незнакомка смотрит на неё с такой болью в глазах, что у маленькой Евы сжимается сердце.

– Ты должна выбрать, – говорит бабушка. Голос странный, не её. – Сейчас или никогда.

– Я не понимаю, – шепчет Ева.

– Понимаешь. Ты всегда понимала. Просто боишься.

Женщина во дворе протягивает руки. Ева делает шаг вперед…

– Не надо!

Ева вскрикнула и проснулась. Сердце колотилось где-то в горле. В салоне горел приглушенный свет, пассажиры спали, укрытые пледами. Рядом спокойно сидел он.

– Страшный сон? – спросил негромко.

– Странный, – выдохнула Ева, вытирая вспотевший лоб. – Я будто выбирала что-то. Или кого-то. Там была женщина… она смотрела так, будто я могла её спасти.

Он молчал несколько секунд, глядя перед собой.

– Это не сон, – сказал незнакомец. – Вернее, сон, но не только. Вы заглянули в прошлое. В одно из своих.

– В прошлую жизнь?

– Да. Там был момент выбора. Вы не сделали шаг. Испугались.

Ева похолодела.

– И что стало с той женщиной?

– Она ушла. Одна. А вы остались с чувством вины, которое носили потом много лет. Пока не умерли.

– Это… – Ева сглотнула. – Это жестоко.

– Жестоко было с вами? Или с ней?

– С ней. Я её бросила.

– Вы выбрали страх. Это урок. Его не надо корить – его надо понять. В той жизни вы не были готовы. В этой – можете выбрать иначе.

Ева замолчала, пытаясь переварить услышанное. Голова гудела. Странный сон, его слова, этот полёт – всё смешалось в один клубок, который невозможно распутать.

– Слушайте, – сказала она, глядя ему прямо в глаза. – А вы не можете быть просто… ну, хорошим психологом? Или гипнотизёром? Ну правда. Всё, что вы говорите, звучит невероятно красиво. Но вдруг у вас просто язык хорошо подвешен? Вдруг вы читали кучу книг по эзотерике и теперь собираете впечатлительных девушек в самолётах?

Он не обиделся. Даже бровью не повёл. Только посмотрел на неё с лёгкой усмешкой.

– Хороший вопрос, – сказал он спокойно. – Очень здоровый. Скептицизм – это броня. Она защищает, пока вы не готовы. Но вы задали его не потому, что не верите. А потому, что боитесь поверить.

– И что? – вызывающе спросила Ева. – Допустим, боюсь. Но как мне отличить правду от красноречия?

– А вы не отличайте, – пожал он плечами. – Просто слушайте себя. Когда я говорю про вашу бабушку – у вас внутри тепло. Когда про сон – холодок. Это не слова. Это реакции. Их не подделать.

Ева прислушалась к себе. И правда – внутри, под слоем сомнений, было что-то твёрдое, настоящее.

– Ладно, – сдалась она. – Убедили. Хотя бы на сегодня.

– На сегодня достаточно, – кивнул он.

Впереди, через несколько рядов, что-то произошло. Послышался приглушенный вскрик, потом суета. Стюардесса пробежала по проходу, наклонилась над пассажиркой.

– Врача! Есть на борту врач? – разнеслось по салону.

Ева автоматически приподнялась, чтобы посмотреть, что случилось. Женщина через несколько кресел – та самая, с идеальной укладкой и часами на тонком запястье – сидела, неестественно выгнувшись, и хватала ртом воздух. Лицо побелело, руки дрожали.

– Помогите, – прохрипела она. – Пожалуйста…

Врача не находилось. Стюардесса заметалась.

Ева смотрела на женщину и чувствовала, как внутри под-

нимается волна – не страха, не любопытства, а чего-то другого. Того самого, что было во сне, когда она не сделала шаг.

Она встала.

– Сядьте, – тихо сказал незнакомец. – Это не ваше дело.

Ева замерла на секунду. Посмотрела на него. Потом на женщину, которая уже сползала с кресла.

– Моё, – сказала она и быстро пошла по проходу.

– Я не врач, – сказала Ева подбежавшей стюардессе. – Но я могу помочь. Что с ней? – Остальные пассажиры оцепенели.

– Сердце? – растерянно ответила девушка. – Она говорит, что таблетки в сумке, но не может найти…

Ева опустилась на колени рядом с женщиной. Та смотрела на неё расширенными от ужаса глазами, пытаясь что-то сказать.

– Тихо, – Ева взяла её за руку. – Я здесь. Я помогу. Где сумка?

Женщина слабо мотнула головой в сторону. Ева нашла сумку, раскрыла – внутри косметичка, кошелек, ключи и маленький синий футляр с таблетками.

– Эти?

Женщина кивнула, выдыхая с облегчением. Ева вытряхнула таблетку, протянула вместе с водой, которую уже держала стюардесса.

Через несколько минут дыхание выровнялось, краска начала возвращаться на лицо. Женщина смотрела на Еву с благодарностью, смешанной с удивлением.

– Спасибо, – прошептала она. – Вы… вы даже не знаете…

– Знаю, – перебила Ева. – Всё хорошо. Просто дышите.

Она вернулась на свое место, чувствуя, как дрожат руки. Села, откинулась на спинку кресла. Рядом сидел он и смотрел на неё с новым выражением – не оценивающим, не изучающим. Почти тёплым.

– Молодец, – сказал просто.

– Я не думала, – выдохнула Ева. – Просто встала и пошла.

– В этом и суть, – кивнул он. – Когда думаешь – торгуешься: «А вдруг я сделаю хуже? А вдруг не получится? А что скажут?» Когда чувствуешь – просто делаешь. Это и есть правильный выбор.

Она посмотрела на свои руки – всё ещё слегка дрожат.

– Знаете, – сказала тихо, – когда я ей помогала, я не чувствовала страха. Вообще. Только… только тепло какое-то. И сейчас внутри хорошо. Несмотря на тряску.

– Это энергия, – сказал он. – Та самая, которую вы отдали, ничего не прося взамен. Самопожертвование – даже такое маленькое – оно всегда возвращается. Не деньгами, не славой. Чувством. Тем, что вы сейчас испытываете.

– А бывает самопожертвование неправильное?

– Бывает, – кивнул он. – Когда отдаёшь из чувства долга, из страха, из желания, чтобы тебя похвалили. Тогда энергия другая. Тяжёлая. А когда просто – потому что не можешь иначе – это чистое. Это лечит того, кому помогаешь, и того, кто помогает. Обоих.

Ева молчала, переваривая.

– А вы? – спросила вдруг. – Вы когда-нибудь помогали просто так?

Он усмехнулся – мягко, без горечи.

– Я только этим и занимаюсь. Но моя помощь выглядит иначе. Я не даю таблетки и не звоню врачам. Я просто сижу рядом и говорю. Иногда молчу. Этого достаточно.

– Для чего?

– Чтобы человек вспомнил, кто он есть.

Самолет слегка качнуло. За иллюминатором уже совсем стемнело, только редкие огни где-то далеко внизу.

– Скажите, – Ева повернулась к нему, – а почему люди так часто выбирают не то? Ну, в смысле, не помощь, не доброту, а наоборот? Почему мы вредим сами себе?

– Например?

– Ну, – она задумалась, – курение, алкоголь, объедание, вечные рилсы в телефоне… Мы же знаем, что это плохо. А делаем. Снова и снова.

Он посмотрел на неё с интересом.

– Хороший вопрос. Действительно хороший. Вы думаете, это просто слабость?

– А разве нет?

– Нет, – покачал головой он. – Это попытка заткнуть дыру. Но самое страшное – эти привычки не просто заполняют пустоту. Они начинают управлять.

– Управлять?

– Да. Сначала кажется: я контролирую, я выбираю. А потом – стоп. И ты уже не можешь без этого. И уже не ты решаешь, когда тебе плохо, а когда хорошо. Решает привычка. Сигарета. Бокал. Лента в телефоне. Они становятся хозяевами, а ты – рабом.

Ева вспомнила, как однажды пыталась не заходить в соцсети хотя бы день. Продержалась до вечера. Руки сами тянулись к телефону.

– И это не просто про зависимости, – продолжил он. – Это про то, как вы вообще живёте. Вам внушают: вот это хорошо, это плохо, это модно, это устарело. И вы верите. Не проверяя. Не чувствуя. Просто берёте чужую правду и носите её, как чужое пальто.

– А как отличить? – тихо спросила Ева. – Где своё, а где чужое?

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

– В одной древней книге сказано: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими». Ты знаешь эти слова?

– Кажется, из Библии, – неуверенно сказала Ева.

– Да. И это не про рай и ад в том смысле, который вы вкладываете. Это про путь. Простой путь – он всегда широкий. Иди, не напрягайся, делай как все, плыви по течению. Он лёгкий для тела. Для ума. Для привычек. Но для души он – погибель.

– А тесные врата?

– Это когда ты выбираешь не лёгкое, а настоящее. Когда отказываешься от того, что тебя разрушает, даже если это приятно. Когда ищешь, пробуешь, падаешь, встаёшь. Когда не веришь на слово, а проверяешь всем своим существом. Это трудно. Это больно. Это закаляет.

– Закаляет?

– Как металл, – кивнул он. – Без огня нет стали. Без сопротивления нет силы. Каждый раз, когда ты говоришь «нет» тому, что тянет тебя вниз, ты становишься чуть крепче. Каждый раз, когда ищешь новое, развиваешься, выходишь из зоны комфорта – твоя душа растёт.

Он помолчал.

– А воздержание… ты думаешь, это про запреты? Нет. Это про свободу. Когда ты можешь, но не хочешь. Когда ты не раб своих желаний, а хозяин. Вот что даёт силу.

Ева задумалась.

– А еда? – спросила она. – Это ведь тоже… ну, многие заедают стресс. Или едят что попало, лишь бы быстро.

– Еда, – он чуть улыбнулся. – Это отдельный разговор. Скажи, ты когда-нибудь пробовала помидор, который вырастила сама?

– В детстве, у бабушки, – кивнула Ева.

– И какой он был?

– Другой, – она улыбнулась воспоминанию. – Пахло от него… ну, как от всего огорода сразу. И вкус был яркий, настоящий. Не то что в магазине.

– А почему, думаешь?

– Не знаю. Химии меньше?

– Не только, – покачал головой он. – Земля. Вода. Солнце. Руки, которые ухаживали. Время, которое ему дали созреть спокойно, без ускорителей. Мысль, что это для тебя. Всё это – энергия. И она остаётся в плодах.

Он сделал паузу.

– Есть места, где об этом помнят. Не в каком-то другом мире – здесь, на земле. Маленькие хозяйства, где землю не травят химией, где семена берут от лучших плодов, где не гонятся за скоростью, а ждут, пока вырастет само. Там еда – другая. Потому что в неё вложено другое.

– А у нас?

– А у вас пихают в себя что попало, – без осуждения, просто констатируя факт, сказал он. – Химия, ускорители, заменители. Вы едите не еду, а её подобие. И удивляетесь, почему сил нет, почему настроение скачет, почему тело болеет.

– Но это же удобно, – попыталась возразить Ева. – Быстро. Доступно.

– Удобно, – согласился он. – Широкий путь. Не надо ждать, не надо вкладывать душу, не надо благодарить землю. Просто взял с полки и съел. А потом удивляешься, что внутри пустота.

Он помолчал.

– Тело – это храм. Не в религиозном смысле. В прямом. То, чем ты питаешь своё тело, питает и твою душу. Потому

что они не разделены, как вы думаете. Всё едино.

– И что же, всё должно быть своё, выращенное с любовью? – Ева усмехнулась. – Это невозможно в большом городе.

– В большом городе да, сложно питаться так, – согласился он. – Но это не потому, что так устроен мир. Это потому, что человечество само себя ограничило. В погоне за другим.

– За чем?

– Например, за нефтью, – он посмотрел на неё внимательно. – Ты знаешь, сколько войн было из-за неё?

– Знаю, – тихо сказала Ева. – Читала.

– А знаешь, что нефть – возобновляемый ресурс? Она не просто лежит в земле мёртвым грузом. Земля – это живая система. У неё есть баланс. Как в улье.

– В улье?

– Пчёлы собирают нектар, делают мёд. Люди забирают мёд – но если забирать разумно, оставлять пчёлам на зиму, улей живёт дальше. Мёд восстанавливается. Это баланс. Так же и с землёй. Нефть в глубоких залежах – это не просто топливо. Это часть системы. Она восполняется, если не убивать землю до конца. Но люди не хотят ждать. Им нужно всё и сразу. Они выкачивают так, что пласты схлопываются. Войны ведут за контроль. А земля терпит. Но баланс нарушается.

– И что, нефть бесконечна?

– Ничто не бесконечно в том виде, как вы думаете. Но если бы люди не разрушали, не жгли, не убивали пласты – её хватило бы на дольше. Намного дольше. Просто вы выбрали

путь потребления. Быстрого. Лёгкого. Широкого.

– А узкий путь – это что? Отказаться от машин?

– Не обязательно, – он чуть улыбнулся. – Узкий путь – это хотя бы задуматься. Откуда это взялось. Куда уйдёт. Что останется после тебя. Это про внимание. А не про отказ.

Она смотрела на него и чувствовала, как внутри что-то щёлкает. Бабушкин огород. Помидоры, пахнущие солнцем. Огурцы, которые она срывала с грядки и ела прямо там, тёплыми.

– Я скучаю, – тихо сказала она. – По той еде. По тому времени.

– Не скучай, – мягко ответил он. – Помни. И когда сможешь – возвращайся. К земле. К простому. К настоящему. Это не шаг назад, Ева. Это шаг внутрь.

– Внутрь?

– К себе. Потому что ты – тоже часть этой земли. И когда ты ешь то, что выросло из неё с любовью, ты вспоминаешь, кто ты есть на самом деле.

Она замолчала, переваривая. А потом вдруг улыбнулась и кивнула куда-то в сторону.

– Смотрите.

Там, через несколько рядов, молодая мама укачивала малыша. Ребёнок хныкал, капризничал, никак не хотел засыпать. Мать была измотана – это читалось в каждом её движении.

– Знаете, – тихо сказала Ева, – когда я смотрю на детей,

мне всегда становится легче. Даже если у меня самой всё плохо. Они будто… напоминают о чём-то.

– О чём?

– Не знаю точно. О том, что мир не только про проблемы и про то, как мы сами себя закапываем. Что есть что-то простое. Настоящее. Когда я рядом с ребёнком, я сама становлюсь чуть лучше. Хотя бы на минуту.

– Это правда, – кивнул он. – Дети – как открытая дверь. Туда, откуда мы все пришли. Они только что оттуда. Ещё помнят. Поэтому рядом с ними так легко дышится. Они не учат – они просто есть. И этого достаточно, чтобы вспомнить, кто ты есть на самом деле.

Малыш заснул. Мать укрыла его пледом и сама откинулась на спинку кресла, закрыв глаза.

Ева долго смотрела на них, и на душе становилось теплее.

– Знаете, – сказала она тихо, – спасибо вам.

– За что?

– За то, что рядом. Даже если это просто сон. Даже если я всё придумала. Даже если у вас просто язык хорошо подвешен. Спасибо, что есть с кем поговорить.

Он улыбнулся – тепло, по-человечески.

– Язык у меня действительно подвешен, – сказал он. – Но дело не в нём. Слова – это только форма. Содержание – здесь, – он приложил руку к груди. – И вы это чувствуете. Иначе не сидели бы здесь и не задавали вопросы.

– То есть вы не обиделись? На мои сомнения?

– На правду не обижаются, – покачал головой он. – Сомнения – это нормально. Это значит, что вы живая. Что не глотаете всё подряд. Что проверяете. Так и надо.

Она кивнула, чувствуя, как внутри разливается тепло – уже не от его слов, а от того, что её приняли. Со всеми сомнениями. Со всей глупостью. Со всей усталостью.

– Отдыхайте, Ева, – тихо сказал он. – У нас ещё несколько часов полёта. И целая жизнь впереди.

Она закрыла глаза. Гул двигателей убаюкивал. Рядом было тепло и надёжно, как бывает только в детстве, когда засыпаешь и знаешь, что кто-то взрослый рядом и всё будет хорошо.

Самолет летел сквозь темноту. Где-то впереди был Лондон. Где-то позади – Москва. А здесь, на высоте десять тысяч метров, в тесном кресле эконом-класса, тихонько, не шевелясь, умиротворённо сидела Ева, закрыв глаза.

Глава 4 "Воспоминание"

Время в самолете текло иначе - то сжималось, то растягивалось, как резиновое. Ева сидела, глядя в темноту иллюминатора, и почувствовала странное оцепенение. Не сонное, не усталое - другое. Такое бывает, когда слишком много слов упало внутрь и теперь они там бродят, не находя места. Осознание приходит не вспышкой, а тяжестью. Ева чувствовала эту тяжесть - в плечах, в затылке, в кончиках пальцев, которые больше не сжимали подлокотник.

Рядом тихо дышал незнакомец. Она покосилась на него - глаза закрыты, лицо спокойное. Спал? Или просто ушёл куда-то, куда она не могла за ним последовать?

В салоне было тихо. Только мерный гул двигателей и редкое покашливание где-то впереди. Большинство пассажиров спали, укрывшись пледами.

Ева смотрела на них и думала: каждый здесь - со своей историей. Со своей болью. Со своим Лондоном. Кто-то летит к любви, кто-то от любви, кто-то в пустоту, кто-то к надежде. И все они сейчас спят, убаюканные гулом моторов, и видят сны, в которых нет этого самолета, нет этого выбора.

Взгляд упал на девушку через проход. Лет двадцати двух, в наушниках, уставилась в телефон. Экран освещал её лицо, и Ева разглядела пирсинг в брови - маленький серебряный

гвоздик, который поблёскивал при каждом движении. Из-под рукава толстовки выглядывали тату - не сплошной рукав, а разрозненные рисунки: птица, ветка, какие-то символы. На пальце - несколько тонких колец, на запястье - кожаный браслет с металлическими заклёпками.

Девушка вдруг подняла голову, и Ева увидела - по щеке текла слеза. Та быстро вытерла её, делая вид, что ничего не случилось, и снова уткнулась в экран.

«Что у тебя? - подумала Ева. - Парень бросил? Не поступила? Поссорилась с мамой? Под внешней броней всегда кто-то прячется. Настоящий».

Она смотрела на неё и вдруг вспомнила себя в двадцать два. Тогда ей казалось, что жизнь - это череда катастроф. Каждая ссора - конец света. Каждый парень - единственный. Каждая ошибка - навсегда. А потом пришло время, когда катастрофы стали настоящими. Когда ошибки перестали быть просто ошибками, а стали шрамами. Когда люди, которых ты любила, перестали быть просто людьми, а стали уроками.

Взгляд скользнул дальше. Мужчина лет сорока пяти, в дорогом костюме, сидел один через несколько рядов. Перед ним на откидном столике лежал ноутбук. Судя по сосредоточенному лицу, он работал с какими-то файлами - прогруженными записями, которые не успел разобрать до вылета. Теперь добивал дела в полёте. Периодически останавливал запись, делал пометки в телефоне, снова возвращался к экрану.

Потом вдруг откинулся на спинку кресла и громко, ни к кому не обращаясь, сказал в тишину салона:

- Идиот. Я ему говорил, идиот.

Несколько пассажиров заворочались. Кто-то недовольно обернулся. Мужчина не обратил внимания. Он уставился в одну точку перед собой, и лицо его было пустым. Мёртвым. Как будто внутри ничего не осталось.

Ева смотрела на него и думала: вот он, победитель. У него, наверное, деньги, машина, квартира, власть. А глаза - пустые. Как у человека, который давно забыл, зачем всё это. Который так долго бежал за успехом, что потерял себя где-то в середине пути.

- Знаете, - тихо сказала она, сама не зная, к кому обращается, - иногда мне кажется, что все эти гонки - просто способ убежать от тишины. От той самой тишины, в которой слышно, кто ты есть на самом деле.

Незнакомец не ответил. Но она почувствовала - он слышит.

Воспоминание пришло не картинкой, не сном - просто вдруг оказалось внутри, заполнило всё.

Ресторан. Свечи. Цветы. Он стоит на колене, в руке - маленькая коробочка. Все смотрят, замерли. Кто-то уже достаёт телефоны, чтобы снять.

- Выходи за меня, - говорит он.

И улыбается той самой улыбкой, от которой у неё когда-то ёкало сердце. А у неё внутри - пустота. Лёд. Тишина. Она

слышит свой голос как будто со стороны:

- Да.

Аплодисменты. Слёзы подруг. Мать вытирает глаза платком. Он надевает кольцо на палец - оно холодное, тяжёлое. И всё это время внутри - тишина. Ни радости, ни страха, ничего.

Почему она сказала «да»? Потому что боялась, что больше никто не позовёт. Потому что мать сказала: «Не дури, такого больше не будет». Потому что подруги завидовали. Потому что возраст - уже двадцать шесть, пора. Потому что легче сказать «да», чем объяснять, почему «нет».

Вспоминалось не только предложение. Вспоминались годы, которые были до. Как он впервые появился в её жизни - уверенный, взрослый, успешный. Как умел очаровывать, говорить нужные слова, создавать иллюзию, что ты - единственная и особенная. Как она растворялась в нём, теряя себя по кусочкам, но считала это любовью.

Она вспомнила, как перестала встречаться с подругами, потому что он говорил, что они завидуют и тянут её назад. Как забросила хобби, потому что оно отнимало время, которое можно было провести с ним. Как меняла свои планы под его расписание, как ждала его звонков, как боялась его недовольства.

Вспомнила, как однажды пришла с работы уставшая, а он сидел на диване и даже не спросил, как прошёл день. Только сказал: «Ужин не готов?» И она пошла готовить. Потому

что боялась скандала. Потому что легче было сделать, чем объяснять.

Вспомнила, как он разговаривал с официантами. Как унижал их за то, что медленно несли, перепутали заказ, посмели возразить. Она каждый раз отворачивалась, убеждая себя: «Это не моё дело, он просто устал, это пройдёт». Но это не проходило. Только множилось. Однажды он так же разговаривал с её подругой - сказал что-то обидное, а когда та попыталась защищаться, усмехнулся: «Ой, какие мы нежные». Ева снова промолчала. Подруга перестала звонить. А Ева убедила себя, что она сама виновата - не надо было их знакомить.

Вспомнила, как он высмеивал её мечты. «Писательницей хочешь стать? Серьёзно? Кому это нужно? Ты лучше подумай о нормальной работе». И она переставала писать. Снова и снова. Пока внутри не образовалась пустота, которую она заполняла его присутствием, его мнением, его жизнью.

И в тот вечер, оставшись одна после очередной сцены, она вдруг поймала себя на мысли: это не её жизнь. Не её человек. Не её любовь. Она просто играла роль, которую сама себе придумала. А внутри, там, где когда-то было тепло, становилось всё тише и холоднее. Огонь угасал не сразу - он тлел годами, пока однажды не погас совсем. И когда это случилось, она даже не сразу заметила. Просто в какой-то момент поняла: пустота внутри - это не наказание. Это знак. Пора уходить.

- Можно колу? - голос был тихий, робкий.

Ева повернулась. Рядом стояла та самая девушка, что плакала в телефон. Смотрела на стюардессу, которая катила тележку с напитками.

- Конечно, - улыбнулась стюардесса. - Со льдом?

- Да, спасибо.

Девушка взяла стакан, отпила глоток и вдруг посмотрела на Еву. Их взгляды встретились. Всего на секунду.

- Всё будет хорошо, - тихосказала Ева.

Сама не знала, зачем. Просто вырвалось. Девушка чуть улыбнулась - слабо, неуверенно. Кивнула. И пошла обратно на своё место. Ева смотрела ей вслед и думала: а ведь ей никто этого не говорил. Когда она сидела в ресторане с кольцом на пальце, чувствуя, как внутри разрастается ледяная пустота, никто не подошёл и не сказал: «Ты можешь отказаться. Ты имеешь право быть счастливой». Она была одна.

Взгляд снова упал на незнакомца. Он не спал. Смотрел на неё в упор - спокойно, без улыбки, но как-то… тепло.

- Я была дурой, - тихо сказала Ева.

- Ты была человеком, - ответил он. - Думала, что любовь - это терпеть. Что если потерпишь - он изменится. Это самая страшная ложь, в которую верят люди.

- А что на самом деле?

- Любовь - это когда тебя видят. Настоящую. Не удобную, не терпящую, не молчащую. А живую. Со всеми эмоциями, с болью, с желаниями. Если он не видел - это была не любовь.

Это была сделка.

Ева задумалась.

- Эмоции бывают лишними...

- Злость бывает лишней, - тихо сказал он. - Та, что сжигает всё внутри. А бывает эмоции, показывают: тебе что-то важно. Ты не равнодушна. Но с ними надо учиться работать. Учиться всегда. Каждый день. Это самая трудная наука - не подавлять, а направлять. Несдержанность - это не сила. Это слабость, которую можно тренировать.

Взгляд её упал на пожилую пару через несколько рядов. Они спали, тесно прижавшись друг к другу. Его рука лежала на её ладони - легко, но надёжно.

- А они? - кивнула Ева. - Они справились?

- Было многое. – Взлеты, падения, ошибки и достижения. Но каждое утро они просыпались и выбирали друг друга заново. Не потому что легко. Потому что чувствовали.

- Откуда вы знаете?

- Я вижу, - просто ответил он. - Это не магия. Это опыт. Когда проживёшь столько, сколько я, познавая, начинаешь читать людей. По глазам, по морщинам, по тому, как они дышат во сне.

Ева смотрела на стариков. На их морщинистые руки, переплетённые во сне. И вдруг поняла: любовь - это не когда всё гладко. Это когда после всех бурь вы всё ещё держитесь за руки.

Она снова посмотрела на пожилую пару. На девушку с ко-

лой, которая уже задремала, уронив голову на плечо соседу. На бизнесмена, который наконец уснул, и во сне его лицо стало не таким мёртвым - просто усталым, человеческим.

Где-то через несколько рядов сидела та самая женщина, которой стало плохо в начале полета. Ева узнала её по тонкому профилю, по тому, как она поправляла волосы, даже не просыпаясь. Женщина не спала. Смотрела перед собой остановившимся взглядом. Ева поймала себя на мысли: «Что с ней будет в Лондоне? Вспомнит ли она этот полёт? Или он останется где-то глубоко внутри, как напоминание?»

Женщина словно почувствовала взгляд. Медленно повернула голову и посмотрела на Еву. Всего секунду. Без улыбки, без благодарности. Просто посмотрела. И снова отвернулась к иллюминатору.

Еве почему-то стало спокойнее.

Она перевела взгляд на молодую маму с ребёнком. Малыш, тот самый, что капризничал несколько часов назад, теперь спал, уткнувшись носом в мамино плечо. Мать не спала. Смотрела на него с той особенной усталой нежностью, которая бывает только у женщин, которые уже отдали всё, но готовы отдать ещё.

«Дети чувствуют, - подумала Ева. - Когда маме тяжело. И тихо лечат своим теплом. Даже не зная об этом».

Она вспомнила свою мать. Как та тоже когда-то так смотрела на неё. Как отдавала всё, что могла, и даже то, чего не могла. И как Ева, повзрослев, отдалилась, закрутилась в сво-

ей жизни, в своих драмах, в своей боли. А мать всё ждала. Всё надеялась, что однажды дочь позвонит не потому что надо, а потому что соскучилась.

Она представила, как завтра, сразу после посадки, достанет телефон и увидит сообщение от матери, отправленное ещё до вылета: «Долетишь - напиши. Я волнуюсь». Она так и не ответила.

«Напишу, как только включу телефон, - подумала Ева. - Сразу. Не откладывая».

Незнакомец чуть заметно кивнул.

- Это тоже свет, - тихо сказал он. - Маленький. Но его видно.

- Вы про что?

- Про то, что ты сейчас решила. Просто пообещала себе. Не потому что надо. Потому что вспомнила.

Ева молчала. Внутри было тепло.

- А вы? - спросила она вдруг, поворачиваясь к нему. - Где вы живёте? Сколько вас?

Он усмехнулся - не насмешливо, а как-то грустно.

- Это сложно объяснить словами, которые есть у тебя сейчас. Мы просто есть. Рядом, когда нужно. Нас столько, сколько должно быть.

- Но как вы помогаете, если вас не видно? Если вокруг столько боли, войн, несправедливости? Как вы это допускаете?

Он повернулся к ней. В его глазах мелькнуло что-то - не

усталость, не горечь, а что-то другое. Бесконечное.

- Ты думаешь, мы сидим где-то там и нажимаем на кнопки? Нет. Мы не управляем. Мы направляем. Это как… как ветер. Он не решает, куда плывёт корабль. Он просто дует. А капитан выбирает - поднять паруса или убрать.

- Но войны… - Ева не унималась. - Вы могли бы остановить. Просто появиться и сказать: «Остановитесь».

- И что бы изменилось? - тихо спросил он. - Нас бы назвали богами, начались бы новые войны - уже за право обладать нами. Люди не готовы увидеть нас. Не все. Не сейчас.

- А когда будут готовы?

- Когда перестанут ждать чуда и начнут искать внутри. Когда перестанут создавать кумиров.

Ева нахмурилась.

- Кумиров?

- Это самое страшное, - тихо сказал он. - Когда человек ищет вовне того, на кого можно опереться. Кумира, лидера, звезду. Отдаёт им свою силу, свою веру, свой путь. А потом падает, когда кумир оказывается просто человеком. Или хуже - когда кумир уходит, и ты остаёшься с пустотой.

- Но вера во что-то большее...

- Вера - это одно. Кумир - другое. Вера - это когда ты чувствуешь внутри. Кумир - когда ищешь снаружи. Правда не там, где о ней кричат и пишут. Правда там, где тихо. Внутри. И только ты можешь её услышать.

- А душа? - спросила Ева. - Она где?

- Душа не в этом мире, - тихо сказал он. - Она приходит сюда, чтобы воплотиться в человеке. Чтобы научить: чувствовать, расти, осознать. Для того что бы наконец быть как одно целое. Бывает этот процесс, мучительный и сложный. Нам бывает очень грустно, потому, что мы не слышим подсказки совести, будто рвемся надвое.

Ева молчала, переваривая.

- А вы? - спросила она. - Вы для меня... кто? Тоже кумир?

Он усмехнулся.

- Я просто человек. Как и ты. Только прошедший дальше. Высшая ступень - если хочешь так называть. Максимальный уровень здесь. А после выполнения сложных задач, которые стоят передо мной, я надеюсь уйти вперед. Туда, где связь с Создателем становится не верой, а знанием. Где не нужно проходить всё заново.

- А в ваш род можно попасть?

- Нет. Это кровное родство. Оно происходит только в нужный момент. Душа приходит к члену рода через реинкарнацию. Это не выбирают. Это случается.

Она долго молчала, переваривая всё, что услышала.

- Неужели вы не можете вот так просто появиться и начать говорить то, что знаете? - спросила она тихо. - Всем сразу?

- Не могу, - покачал он головой. - Не имею права. Это часть замысла.

- И что будет?

- В ближайшее время ширма совсем чуть-чуть приоткро-

ется. Те, кто готовы - увидят. Остальные - нет. Так и должно быть.

Ева кивнула. Не стала спрашивать больше.

Глава 5 "Осознание"

В салоне было тихо. Только мерный гул двигателей напоминал, что они вообще куда-то движутся. За иллюминатором - ни огня, ни звезды, ничего. Такая плотная темнота, что кажется, будто самолет застыл на месте, и только вибрация корпуса доказывает обратное.

Ева перебирала взглядом лица. Тот самый бизнесмен, который несколько часов назад кричал на подчинённых, теперь спал - но даже во сне лицо напряжённое, будто и там его кто-то ждёт с отчётом. А женщина через проход улыбается чему-то. Может, к любви летит. А может, просто сон хороший.

«Мы все тут, - подумала Ева. - В железной птице. А снаружи пустота. И каждый сам решает, бояться её или нет».

Она перевела взгляд на незнакомца. Он молчал, но она знала - он слышит каждую её мысль.

- Знаете, - тихо сказала она, - мы говорили о таких важных вещах. О душе, о выборе. А я... я вообще смогу это применить? Или это просто слова, которые забудутся, как только я выйду из самолёта?

Он открыл глаза и посмотрел на неё - спокойно, без улыбки.

- Ты уже применяешь. Каждую минуту. Просто не замечаешь.

- Но я не чувствую, что меняюсь.

- А ты ждёшь вспышки? - тихо спросил он. - Осознание - это не вспышка. Это выбор, который ты делаешь каждую минуту. Ты нахамила матери - в следующий раз вспомнишь. Ты прошла мимо - в следующий раз остановишься. Не потому что знаешь. А потому что помнишь, как болело.

Ева замерла.

- Откуда вы... про мать?

- Ты только что сказала.

- Нет. Я не говорила.

Он чуть улыбнулся.

Она закрыла глаза и провалилась в день перед вылетом.

Утро. Мать звонит в седьмой раз. «Ты уверена? А билеты взяла? А тёплые вещи? А в Лондоне сейчас, говорят, дожди...» Ева слушает вполуха, потом не выдерживает:

- Мам, отстань. Я не маленькая. Сама разберусь.

Мать замолкает. Потом тихо: «Я же просто волнуюсь». И кладёт трубку.

Ева вспомнила эту паузу. Три секунды тишины, в которые она могла бы сказать что-то тёплое. «Спасибо, мам». «Я тебя люблю». «Не волнуйся, всё будет хорошо». Но она не сказала. Ничего не сказала. Через пять минут уже забыла об этом разговоре. Закрутилась. А сейчас, в самолёте, этот голос - тихий, обиженный - вдруг вернулся.

«Я не маленькая». А она вела себя как маленькая. Которая не умеет сказать главное.

Дальше. Метро. Час пик. Её толкнули так, что она чуть не упала. Она обернулась, готовая взорваться. Перед ней стоял мужчина лет сорока, в мятой куртке, с абсолютно пустыми глазами. Он даже не извинился. Просто пошёл дальше, в толпу.

Ева промолчала. Но внутри всё кипело. Она не направила злость - она её подавила. И та осталась там, тяжёлым комком. А сейчас, вспоминая того мужчину, она вдруг подумала: а может, у него горе? Может, он только что узнал что-то страшное? Может, его только что бросили или он потерял кого-то? А она хотела накричать.

Потом работа. Коллега Лена, вечно ноющая, вечно с проблемами, подошла с просьбой помочь. У Евы был аврал, дедлайн горел, начальница и так смотрела волком. Но она помогла. Потому что неудобно отказать. Потому что подумает, что плохая.

Она помогла, а потом до ночи сидела, доделывала своё. И злилась. На Лену, на себя, на весь мир. Лена даже не заметила, как Ева вымоталась. Просто сказала «спасибо» и ушла. А Ева осталась с этой злостью, которая жгла изнутри.

«Помощь была не чистая, - подумала Ева. - Из чувства долга. Из страха. Тяжёлая энергия, как он говорил».

Вечер. Двор. Маленький серый котёнок сидел под кустом у подъезда и жалобно мяукал. Он был такой худой, что рёбрышки просвечивали сквозь шерсть. Глаза огромные, испуганные. Ева прошла мимо. Потому что спешила. Потому что

холодно. Потому что «кто-нибудь другой подберёт».

Она оглянулась через минуту - котёнок всё ещё сидел, всё так же мяукал. Потом подошёл мужчина с собакой, собака залаяла, котёнок шарахнулся под машину. Ева отвернулась и пошла дальше.

Утром, когда она выходила с чемоданом, котёнка не было. Ни под кустом, ни под машиной. Просто исчез. Или кто-то забрал, или... она не хотела думать.

И последнее. Бабушкина фотография. Старая рамка, ещё советская, с потёртым серебром, с облупившимся уголком. Бабушка на ней молодая, смеётся, волосы развеваются на ветру. Фотография стояла на столе, в углу, и солнечный свет падал прямо на неё, делая её почти живой.

Ева посмотрела, подумала «надо бы взять», и забыла в суете. Сейчас, в самолёте, она вдруг отчётливо поняла: не забыла. Не захотела. Потому что бабушка - это боль. Это тяжелые воспоминания. Легче было не брать, чем брать и помнить.

Она открыла глаза.

- Я знаю все эти правильные слова, - тихо сказала она. - Про любовь, про выбор, про душу. Но в мелочах я всё та же. Не меняюсь.

- Ты ждёшь, что это случится само? - спросил незнакомец.

- А как?

- Каждый раз, когда ты вспоминаешь - ты уже меняешься. Не в моменте. Потом. Когда прокручиваешь и понимаешь:

«Я могла иначе». Это и есть рост.

Впереди кто-то заворочался. Женщина лет шестидесяти, в простом сером платке, сидела у окна через несколько рядов. Лицо у неё было уставшее, руки в морщинах лежали на маленькой сумочке. Она пыталась устроиться поудобнее, но никак не получалось. Потом вдруг затихла - видимо, уснула.

Ева смотрела на неё и думала о матери. О том, как мало мы говорим важного. О том, что все эти «потом» когда-то заканчиваются. О том, что мать осталась там, в Москве, с её «отстань» в ушах.

И вдруг женщина вскрикнула.

Громко, отчаянно, так, что несколько пассажиров подскочили. Крик был не человеческий - будто из самой глубины, из того места, где живёт самая страшная боль. В ту же секунду свет в салоне едва заметно мигнул. Раз. И наступила тишина. Абсолютная. Даже гула двигателей не было слышно.

Ева почувствовала, как холод пробежал по позвоночнику.

Женщина проснулась, трясла головой, бормотала извинения. Стюардесса подбежала, наклонилась.

- Всё хорошо? Что случилось?

- Приснилось... - женщина трёт глаза дрожащей рукой. - Мама приснилась. Год как умерла, а мне всё кажется, что я не успела сказать ей что-то важное. Простите, разбудила всех...

Стюардесса успокаивала её, предлагала воды. Женщина отказывалась, всё повторяла: «Не успела, не успела...»

И вдруг она повернула голову и посмотрела прямо на Еву.

Невидящим взглядом, сквозь неё, куда-то внутрь. Ева замерла. Холод стал сильнее.

Рука незнакомца легла на её запястье - тёплая, сухая, спокойная. Ева выдохнула.

- Она... она видит меня? - прошептала Ева.

- Неважно, - тихо ответил он. - Важно, что ты почувствовала.

- Что я должна была почувствовать?

- Что ты можешь не успеть. Что каждый день, когда ты молчишь, когда злишься, когда проходишь мимо - ты отдаляешь себя от тех, кто тебя любит. Она кричала не во сне. Она кричала в тебе.

Ева смотрела на женщину. Та уже успокоилась, затихла, отвернулась к иллюминатору. Стюардесса ушла. В салоне снова было тихо.

- Я могу что-то сделать? Для неё? - спросила Ева.

- Уже поздно, - тихо ответил незнакомец. - Для неё. Но не для тебя.

- Что вы имеете в виду?

- Ты слышала. Не ушами. Ты поняла, что важно. Это и есть ответ.

Ева молчала. Внутри было тепло и горько одновременно.

- Почему мы такие? - спросила она. - Почему понимаем только когда поздно?

- Потому что думаем, что время бесконечно, - ответил он. - А оно не бесконечно здесь. Ни для кого.

- А если бы она успела? Та женщина со своей мамой?

- В жизни по-разному бывает. Иногда минута решает всё, иногда - ничего. Главное - учиться говорить и делать важное вовремя.

Ева смотрела на свои руки.

- Я знал одного человека, - тихо сказал незнакомец. - Он осознал, что не успел сказать «прости», за минуту до смерти. У него было шестьдесят секунд, чтобы написать сообщение. Он написал. И умер с телефоном в руке.

- И что?

- А то, что те шестьдесят секунд были важнее всей его жизни. Потому что в них он был настоящим.

- А вам снятся сны? - спросила Ева.

Он долго молчал. Так долго, что она уже решила - не ответит.

- Снятся, - тихо сказал он наконец. - Часто снятся те, кого мы направляли. Те, кто получил задачу, выполнил её... и последствия оказались страшными.

- Вы про что?

- Про то, что не всегда наши действия приводят к тому, что мы хотим. Иногда направляешь, думаешь - поможет. А в итоге... - он замолчал, подбирая слова. - Это было нужно. Для других. Для тех, кто придёт после. Но знать, что ты причастен, и не мочь ничего изменить - тяжело.

- Это был чей-то выбор? Не ваш?

- Выбор всегда за ними. За теми, кто принимает реше-

ния. Мы только... показываем варианты. А они решают. И когда они выбирают плохо - мы видим последствия. И помним. Всегда помним.

- И часто такое бывает?

- Достаточно, чтобы не забывать, - тихо ответил он. - Но без этого нельзя. Иногда только через боль приходит понимание. Жаль только, что платят за это другие.

- Скажите, - спросила Ева после долгого молчания, - вот вы говорили про кумиров, про то, что искать надо внутри. А как понять, где правда? Где тот самый образ, на который надо равняться?

Она помолчала, подбирая слова.

- Вот например - сменив тему я упомянула лук, вам будет сложно понять, репчатый, зеленый или вообще для стрельбы. Как понять где для того самого слова или действия истина.

Незнакомец чуть наклонил голову, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

- Хороший пример. Очень точный. Без образа в голове очень сложно искать. Когда мы слышим слово «любовь», у каждого в голове своя картинка. Для одного - это когда терпят. Для другого - когда видят. Для третьего - когда обладают. И пока ты не соединишь слово с правильным образом, будешь ошибаться. Будешь целиться в одно, а попадать в другое.

- А как соединить?

- Смотреть на тех, у кого получилось. Не на тех, кто красиво говорит, а на тех, у кого глаза светятся. Вот та пожилая пара. У них за плечами сорок семь лет. Они не кино снимали - они жили. Падали, вставали, ошибались, прощали. И сейчас спят, держась за руки. Вот образ. Они не покупали друг друга - они выбирали. Каждый день.

Ева посмотрела на стариков. Они спали, тесно прижавшись друг к другу. Его рука лежала на её ладони - легко, но надёжно.

- А многие вокруг... - тихо сказала она. - У всех вроде всё есть. Машины, квартиры, отдых на Мальдивах. В Инстаграме красиво, а в жизни пусто. Глаза пустые. Как у того бизнесмена. С виду победитель, а внутри - ноль.

- Потому что душу не накормишь картинкой из журнала, - ответил незнакомец. - Можно купить красивую жизнь, но нельзя купить счастье. Можно купить дом, но нельзя купить уют. Можно купить секс, но нельзя купить любовь. Душа умирает, когда её кормят фальшивкой. Она плачет, а человек не слышит. Или слышит, но глушит. Работой, деньгами, вином, новой покупкой, новым отпуском, новым любовником. А потом удивляется, почему внутри пусто.

- Но многие же так живут. И вроде ничего.

- Вроде, - усмехнулся он. - А ночью, когда остаются одни, когда никто не видит, они смотрят в потолок и чувствуют эту пустоту. Только не признаются. Даже себе.

- А как её слышать? Душу?

- Замедляться. Смотреть не на экран, а в себя. Помнить, что ты - не только тело. Что есть что-то большее, что хочет настоящего. Что умирает от фальши.

Она молчала, переваривая.

- Знаете, - сказала Ева тихо, - я вот думаю про подарки. Когда даришь что-то от души, даже самое простое, внутри так тепло. А когда получаешь дорогую вещь, но без чувства - пустота. Как будто не тебе дарили, а своему статусу. Как будто отчитывались.

- Конечно, - кивнул он. - Душа радуется искренности. Ребёнок нарисует корявую открытку - а ты хранишь её годами. Потому что в ней не мастерство, в ней любовь. Это самое ценное, что можно получить. И самое ценное, что можно отдать.

- А почему мы тогда гонимся за другим? За этими... статусными подарками?

- Потому что забыли, как это - чувствовать. Разучились. Думаем, что счастье в том, что снаружи, думаем, как похвалиться всем вокруг. А оно всегда было внутри. Просто мы разучились туда смотреть.

Ева вспомнила, как в детстве дарила бабушке рисунки. Кривые, страшные, но бабушка вешала их на стену и говорила: «Это самое дорогое, что у меня есть». А потом, повзрослев, она стала дарить духи и деньги в конвертах. И бабушка улыбалась, но уже не так.

- Я перестала дарить ей рисунки, - тихо сказала Ева. - А

она их ждала. Я знаю. Она всегда спрашивала: «А нарисуешь мне что-нибудь?» А я смеялась: «Бабушка, я уже взрослая».

Незнакомец молчал.

- А сейчас её нет, - сказала Ева. - И эти рисунки... они были бы важнее всех подарков.

- Ты ещё можешь нарисовать, - тихо сказал он. - Не для неё. Для себя. Чтобы вспомнить.

- Вы знаете, - тихо сказала Ева после паузы, - я всё думаю про ту женщину. Которая кричала во сне. И про ту, с часами. И про девушку с тату. Они все здесь, рядом. А я их почти не замечала. Как будто они - просто фон.

- Они и есть фон, - ответил он. - Но скоро перестанут.

- Почему?

- Скоро ты поймёшь, что нет случайных людей в этом полёте. Ни одного.

Ева хотела спросить, что он имеет в виду, но он уже смотрел в иллюминатор, давая понять, что разговор окончен.

Она достала телефон. Посмотрела на экран. Там была бабушкина фотография - та самая, в старой рамке. Она всё-таки взяла её. Не заметила в суете, но взяла. Значит, что-то внутри всё-таки решило иначе.

Улыбнулась.

Открыла сообщения и написала матери:

«Мам, прости меня. Я люблю тебя. Я была дурой. Ты самое главное, что у меня есть. Скоро позвоню. Очень скоро».

Связи не было. Но она написала. Для себя.

- Это тоже свет, - тихо сказал незнакомец. - Маленький. Но его видно.

- Вы про что?

- Про то, что ты сейчас сделала. Просто написала. Не потому что надо. Потому что поняла.

Ева думала о том, что там, внизу. Люди живут, любят, ошибаются. Кто-то спит, кто-то плачет, кто-то смеётся. И каждый сам решает, слышать ему свою душу или глушить.

Она повернулась к незнакомцу.

- Знаете, - тихо сказала она, - спасибо вам.

- За что?

- За то, что рядом. За то, что помогаете. За то, что напомнили про рисунки. За то, что открываете глаза на очевидные, казалось бы, вещи по-новому.

Он чуть улыбнулся.

- Ты бы и сама справилась. Просто иногда нужна помощь.

В салоне снова стало тихо. Где-то впереди мерцали огни - может, Лондон уже близко. А может, просто очередной город, который они проплывают на этом воздушном судне.

Ева сидела, глядя перед собой, и чувствовала, как внутри разливается что-то тёплое и спокойное. Не от ответов - от того, что вопросы наконец стали правильными.

Она не знала, что будет дальше. Но знала одно: она на правильном пути.

Не потому что знала, куда летит.

А потому что знала, зачем.

Глава 6 "Волнение"

До посадки оставалось чуть больше часа. Самолет ожил - пассажиры зашевелились, защёлкали ремнями, заговорили громче. Стюардессы проходили по проходу, собирали мусор, предлагали воду. Кто-то уже доставал вещи с верхних полок, кто-то красился, кто-то просто смотрел в иллюминатор, будто пытаясь разглядеть в темноте долгожданный Лондон.

Ева смотрела на эту суету и думала о том, как все они - чужие, случайные люди - стали частью её жизни на эти несколько часов. Через час они разойдутся, и больше никогда не увидятся. А воспоминания останутся. Интересно, кто-нибудь из них запомнит её? Или она так и останется для них просто девушкой, которая сидела у окна и смотрела в темноту? Может быть, кто-то унесёт с собой обрывок разговора, случайный взгляд, улыбку. Может быть, для кого-то она станет частью его собственных воспоминаний - таких же случайных и обрывочных.

Она перебирала взглядом лица. Вон та пара впереди - они всю дорогу держались за руки, даже во сне. И сейчас, когда самолет скоро начнет снижаться, их пальцы всё ещё были переплетены. Сорок семь лет вместе, сказал тогда незнакомец. Сорок семь лет - и они всё ещё держатся за руки. Ева поймала себя на мысли, что завидует им. Не их истории, а

этому спокойному, уверенному «вместе».

Вот пожилая женщина в платке, которая кричала во сне. Теперь она спала спокойно, и лицо её казалось умиротворённым. Приснится же такое - мама, год как умерла, а всё кажется, что не успела сказать. Ева смотрела на неё и думала о своей матери. О том, что напишет ей сразу, как только появится связь. Не завтра. Не потом. Сейчас.

- Смотрите, как они засуетились, - кивнула она незнакомцу. - Будто от того, как быстро соберутся, что-то зависит.

- Люди любят суету, - спокойно ответил он. - Она создаёт иллюзию контроля.

- А вы? Вы суетитесь когда-нибудь?

Он чуть улыбнулся.

- Я? Я нет.

- Скажите, - Ева помолчала, собираясь с духом, - а как вас зовут?

Он посмотрел на неё с интересом.

- А ты хотела бы знать?

- Думала, вы не ответите. Боялась спросить. Но сейчас стало интересно.

- Имя - многое значит, но я не могу его назвать - тихо сказал он. - Для кого-то я был учителем, для кого-то - проводником, для кого-то - просто тенью. Важно не то, как меня зовут, а то, что я здесь.

- Вы из России?

- Нет.

- Но говорите без акцента. От куда же вы?

- Я знаю много языков. Это часть того, чем я занимаюсь.

- Это не ответ, - улыбнулась она. - Вы всегда так. Скажете что-то красивое, а за ним пустота.

- Пустота? - он посмотрел на неё с интересом. - Ты правда думаешь, что за моими словами пустота?

- Нет, - призналась она. - Не думаю. Просто иногда хочется, чтобы вы говорили проще. Как все.

- А ты хочешь быть как все?

Вопрос повис в воздухе. Ева задумалась. Хочет ли она быть как все? Все, кто живут, не задавая вопросов. Все, кто плывут по течению. Все, кто боятся, но не признаются. Все, кто мечтают, но ничего не делают.

- Не знаю, - честно ответила она. - Иногда хочется. Иногда - нет.

- Это нормально, - кивнул он. - Сомневаться - нормально. Важно не застревать в сомнениях.

- А вы? Вы когда-нибудь сомневались?

Он посмотрел на неё долгим взглядом. Будто решал, стоит ли отвечать.

- Каждый день, - тихо сказал он. - Каждый день, когда вижу, что люди делают выбор, который ломает им жизнь. И не могу ничего изменить.

- Но вы же говорили, что направляете.

- Направляю. Но выбор всегда за ними. Иногда они выбирают плохое. И тогда я сомневаюсь - правильно ли я напра-

вил? Достаточно ли я был рядом? Не ошибся ли?

- И что? Ошибаетесь?

- Бывает, - просто ответил он. - Редко. Но бывает.

Ева смотрела на него и в который раз ловила себя на мысли, что рядом с ним время течёт иначе. Не быстрее и не медленнее - просто по-другому.

Взгляд её упал на бизнесмена. Тот самый, что несколько часов назад кричал «идиот». Сейчас он сидел, уставившись в иллюминатор, и лицо его было пустым. Не злым, не уставшим - именно пустым. Как у человека, который забыл, зачем он здесь.

Ева вспомнила свой страх. Тот момент, когда она поняла, что может стать такой же. Пустой внутри, но с идеальной картинкой снаружи. Машина, квартира, часы, статус. И ничего за этим.

- Знаете, - тихо сказала она незнакомцу, - я иногда боюсь, что стану как он.

- Не станешь, - спокойно ответил он.

- Почему вы так уверены?

- Потому что ты задаёшь вопросы. А он перестал.

Она смотрела на бизнесмена и вдруг увидела его иначе. Не как победителя, не как пустого человека. А как того, кто когда-то тоже, наверное, мечтал. Тоже хотел. Тоже любил. А потом что-то пошло не так.

- А если бы он сейчас очнулся? - спросила Ева. - Если бы понял?

- Тогда начался бы его путь, - ответил незнакомец. - Поздно? Не поздно? Неважно. Важно, что начался бы.

- А вы верите, что можно очнуться?

- Верю, - просто сказал он. - Я видел. Много раз. Всё было против, но даже тогда у многих получалось.

Взгляд Евы упал на кресло, где сидела женщина с часами. Пустое. Плед скомкан. Сумка на месте. Ева вдруг отчётливо вспомнила, как держала её за руку. Как та сжимала её пальцы, когда страх отпускал. Тёплая, сухая ладонь. Благодарный взгляд.

- Когда ей стало плохо… Ева не отводила взгляд от ее кресла.

- Я тогда впервые в жизни, не думала, - Сказала она. Просто встала и пошла.

- Я помню, - кивнул незнакомец.

- Это было правильно?

- А ты сомневаешься?

- Нет, - твёрдо сказала она. - Не сомневаюсь. Просто... приятно вспомнить.

- Запоминай такие моменты, - тихо сказал он. - В них ты настоящая.

Она вспомнила, как перебирала свои ошибки. Мать, метро, Лена, котёнок, бабушкина фотография. Всё это было там, в прошлом. А здесь, в самолёте, был момент, когда она сделала всё правильно. Просто встала и пошла.

- Знаете, - сказала она, - я ведь тогда не думала про то, что

она мне чужая. Просто увидела, что человеку плохо.

- Это и есть чистое действие, - ответил он. - Без расчёта, без выгоды, без страха.

- А почему мы так редко так делаем?

- Потому что боимся. Боимся, что нас не так поймут. Что влезут не в своё дело. Что будет неловко.

- А вы? Вы боитесь?

- Я? - он чуть улыбнулся. - Я боюсь только одного.

- Чего?

- Не успеть.

- Вы знаете, - продолжила Ева после паузы, - я вот думаю про бабушку. Про тётю Олю. Про эту историю с помидорами. Вы тогда сказали, что они спланировали это на уровне души. Чтобы научиться прощать.

- Не совсем так, но смысл верен.

- А если бы бабушка не пошла? Если бы осталась дуться?

- Этот выбор был важен в ее случаи, - ответил он.

- Значит, она сделала правильно?

- Она сделала выбор. Жизнь, это целая цепочка решений. В той ситуации так было правильно.

Ева вспомнила бабушкино лицо. Как та рассказывала эту историю. Не с грустью, а с какой-то светлой улыбкой.

- А я успею? - спросила она.

- Что?

- Сказать всё, что важно. Маме. Друзьям. Себе.

- Успеешь, - ответил он. - Если будешь помнить, что зав-

тра может не быть.

- Это страшно звучит.

- Это правда звучит. Страх и правда часто ходят рядом.

Она достала телефон. Пролистала контакты. Катя, Лена, Света. Имена, которые она не набирала месяцами. Когда-то они были неразлучны. А потом пришёл парень. И всё изменилось.

- Почему мы теряем друзей? - спросила она. - Почему так легко отпускаем?

- Потому что думаем, что они никуда не денутся, - ответил незнакомец. - Что всегда можно позвонить завтра. А завтра растягивается на годы.

- И что делать?

- Звонить сегодня. Не завтра. Сегодня.

Она смотрела на экран. Потом убрала телефон.

- Не могу сейчас, - сказала она. - Связи нет.

- Ты можешь написать. Сохранить. Отправить, когда появится сеть.

- Думаете, поможет?

- Думаю, поможет тебе.

Ева увидела, как из пакета одного из пассажиров торчит маленькая коробка в подарочной упаковке.

- А праздники? - спросила она. – Есть чувство, что мы потеряли сам смысл, отмечаем не совсем правильно? Напиваемся, кривляемся, а наутро ничего не помним. Зачем?

- Потому что забыли, зачем они, - ответил он. - Праздник

- это не повод бесноваться. Это повод вспомнить. О близких. О традициях. О культуре. О том, что было до тебя и что будет после.

Она смотрела на него, и в голове всплывали картинки из детства.

- Моя бабушка, - начала она, - готовила на Новый год двадцать блюд. Не потому что мы столько съедали. А потому что это был ритуал. Оливье, селёдка под шубой, заливное. Дед ворчал, что много, но съедал всё. А потом мы садились смотреть «Иронию судьбы». Каждый год. Под одну и ту же ёлку, с одними и теми же игрушками.

- И что теперь? - тихо спросил незнакомец.

- А теперь бабушки нет. Дед один. Ёлка искусственная, игрушки новые. И «Иронию судьбы» уже не смотрим, потому что надоело.

- А хочешь?

- Что?

- Хочешь посмотреть?

Ева задумалась. Хочет ли она? Или это просто ностальгия?

- Хочу, - вдруг поняла она. - Хочу. Не потому что дело в фильме. А потому что это... это было наше. Семейное.

- Вот, - кивнул незнакомец. - Это и есть праздник. Не количество выпитого. А то, что остаётся в памяти. Исполнить маленькое желание того, кто рядом. Съездить куда-то вместе. Сделать сюрприз. Вспомнить. Вот это праздник. А

остальное - просто шум, который заглушает пустоту.

Ева молчала. В голове всплыло детство. Ёлка. Бабушкины пироги с капустой. Дед, который надевал смешной колпак и вручал подарки. Тогда не нужно было напиваться, чтобы было весело. Тогда было просто... тепло.

- Мы разучились, - тихо сказала она. - Разучились радоваться просто так.

- Не разучились, - покачал головой незнакомец. - Забыли. Это можно вернуть.

- Как?

- Начать с малого. Сделать кому-то приятно просто так. Без повода. И посмотреть, что внутри откликнется.

Ева снова вспомнила, как в детстве дарила бабушке рисунки. Кривые, страшные, но бабушка вешала их на стену. А потом она выросла и стала дарить другие подарки. Которые радовали бабушку совсем не так.

- Я перестала дарить ей рисунки, - сказала она. - А она их ждала.

Она хотела спросить ещё что-то, но вдруг осознала, что прошло уже минут пятнадцать, а женщина с часами так и не вернулась на место. Ева снова посмотрела на её кресло.

Странно, подумала она. Но мало ли. Может, задержалась. Может, разговаривает с кем-то. Может, ей стало плохо и нужна помощь. Появилось волнение.

Она оглядела салон. Вроде всё спокойно. Люди собираются, переговариваются. Никто не суетится, никто не ищет.

В этот момент из прохода показалась девушка с пирсингом. Та самая, что плакала в телефон. Она прошла мимо, даже не взглянув на Еву.

Ева проводила её взглядом.

Там же женщина с часами, девушка пошла туда же, теперь спокойнее. Подумала она.

- Вы видели? - шепнула Ева незнакомцу. - Та женщина... она же не вернулась.

- Видел, - спокойно ответил он.

- И эта пошла туда же.

- Да.

- Надеюсь всё хорошо? Я почему-то переживаю.

Ева ждала. Молча. Как будто отвлеклась от этого. Пять минут. Десять. Пятнадцать.

Никто не выходил.

Она вцепилась в подлокотник. Она заметила это и заставила себя расслабиться. Вспомнила начало полета. Как он сказал тогда: «Разжать пальцы». Тогда это казалось таким простым. Сейчас - нет.

- Где они? - голос Евы дрогнул. Я чувствую, что-то не так.

- Там, - незнакомец кивнул в сторону туалетов. - Но не торопись.

- Почему вы такой спокойный?! Там же люди!

- Потому что паника не поможет, - тихо ответил он. - А страх надо чувствовать, но не давать ему управлять.

- Легко сказать, - выдохнула она. - Когда не знаешь, поче-

му они так долго.

- А ты хочешь знать?

- Хочу.

- Готова?

Вопрос заставил её замереть. Готова ли она? К чему? Что там может быть?

- Не знаю, - честно ответила она. - Но не знать - хуже.

Он смотрел на неё долгим взглядом. Будто решал что-то.

- Хорошо, - сказал он наконец. - Но не сейчас. Сейчас просто смотри. Запоминай. Чувствуй.

- Что там? - прошептала она.

- То, что ты готова увидеть, - тихо ответил незнакомец. - Но не сейчас. Скоро.

- Скоро - это когда? Волнение Евы нарастало.

- Когда поймёшь, что нет случайных людей в этом полёте. Ни одного.

Она вспомнила его слова. Те же самые. Тогда они казались просто красивой фразой. Сейчас - предупреждением.

Самолет вздрогнул. Огни в салоне мигнули раз, другой. Кто-то вскрикнул, кто-то засмеялся нервно. Стюардесса прошла по проходу, улыбаясь, но в глазах её тоже мелькнуло что-то - тревога? неуверенность?

Ева перевела взгляд на незнакомца - и впервые за весь полёт увидела в его глазах что-то, похожее на тревогу. Совсем чуть-чуть. На грани. Но она увидела.

- Вы... вы тоже не знаете? - спросила она.

- Знаю, - ответил он. - Но знать и быть готовым - разные вещи.

- А вы готовы?

Он не ответил. Просто смотрел в иллюминатор, туда, где за чернотой уже скоро должен был угадываться Лондон.

Ева снова перевела взгляд на дверь. Она была всё так же закрыта. Всё так же молчала. Но теперь казалось, что за ней кто-то есть. Или что-то.

Она сидела и смотрела. Ждала. Чувствовала, как внутри разрастается что-то огромное. Не страх. Не любопытство. А какая-то странная смесь того и другого, приправленная холодом, который шёл откуда-то изнутри.

Самолет летел сквозь тучи, которые с каждым километром казались всё плотнее и мрачнее. Где-то впереди был Лондон. Где-то позади - Москва. А здесь, в тесном кресле, Ева смотрела на дверь в конце салона и ждала.

Ждала, когда та откроется.

Ждала, когда выйдет хоть кто-то.

Ждала, когда незнакомец скажет что-то ещё.

Но он молчал. И дверь молчала. И только гул двигателей напоминал, что они всё ещё летят.

Куда?

Зачем?

И что ждёт их там, за этой серой пластиковой дверью?

Ответов не было.

Было только ожидание.

Глава 7 "Нагнетание"

Глава 7. «Нагнетание»

В салоне становилось неуютно.

Ева сидела, вцепившись взглядом в дверь в конце прохода. Прошло уже минут двадцать с тех пор, как туда зашли женщина с часами и девушка с пирсингом. Двадцать минут - это много. Слишком много даже для самых долгих сборов.

- Вы чувствуете? - тихо спросила она, не оборачиваясь к незнакомцу.

- Что именно?

- Воздух. Он какой-то... другой. Спёртый, что ли. Или мне кажется?

Незнакомец молчал несколько секунд. Потом сказал спокойно:

- Ты чувствуешь не воздух. Ты чувствуешь напряжение. Оно висит в салоне уже полчаса. Просто не все готовы это признать.

Ева обернулась. Пассажиры действительно вели себя иначе. Кто-то вертел головой, кто-то перешёптывался. Мужчина в клетчатой рубашке через два ряда от неё то и дело поглядывал в сторону туалетов и обратно на часы.

- Время идёт, - сказала Ева. - Посадка скоро. А они не выходят.

- Ты хочешь, чтобы я тебя успокоил?

- Нет, - она мотнула головой. - Я хочу понять. Это нормально? Два человека в туалете двадцать минут?

- В туалете - нет. Но они не в туалете.

Ева резко повернулась к нему.

- А где?

Он посмотрел на неё долгим взглядом.

- Там, где им сейчас нужно быть.

- Это не ответ.

- Это единственный ответ, который ты сейчас готова услышать.

Она хотела возразить, но в этот момент в проходе показался парень. Лет двадцати пяти, в худи с капюшоном, наушники на шее. Он шёл к туалетам - видимо, по нужде. Подошёл к двери, дёрнул ручку. Закрыто. Подождал несколько секунд. Дёрнул ещё раз. Постучал костяшками - негромко, вежливо.

Тишина.

Парень оглянулся на пассажиров, будто ища поддержки. Потом постучал громче.

- Эй, там скоро? - крикнул он в щель.

Ни звука.

Он постоял ещё немного, пожал плечами и пошёл обратно на своё место, бормоча что-то себе под нос.

Ева проводила его взглядом и снова посмотрела на незнакомца.

- Видели? Он стучал. Никто не ответил.

- Видел.

- И что вы думаете?

- Я думаю, что это только начало.

- Начало чего?

Он не ответил. Просто смотрел перед собой, и в этом молчании было что-то такое, от чего у Евы внутри похолодело.

Прошло ещё пять минут. В салоне начали оглядываться чаще. Пожилая женщина в очках - та, что сидела через несколько рядов от Евы - нервно теребила воротник блузки и то и дело поглядывала в сторону туалетов.

- Странно всё это, - сказала она своей соседке, девушке лет двадцати с книгой в руках. - Девушка с тату туда пошла и не вернулась. А до неё та, с часами, которой плохо было... Я видела, как она заходила. И всё, пропали.

Девушка оторвалась от книги, посмотрела в сторону туалетов, потом на часы.

- Двадцать пять минут уже, - сказала она негромко. - Может, им вместе плохо стало?

- А почему молчат? Постучали бы, позвали...

- Не знаю. Может, стесняются.

Пожилая женщина покачала головой и снова уставилась на дверь в конце прохода.

Ева слушала этот разговор краем уха и чувствовала, как внутри разрастается липкое, неприятное чувство. Она посмотрела на часы на телефоне. До посадки - сорок пять минут.

В проходе снова появился мужчина. На этот раз - тот самый бизнесмен, который несколько часов назад кричал «идиот» и работал с записями. Лицо у него было недовольное, брови сдвинуты. Он решительно направился к двери, даже не глядя по сторонам.

Подошёл. Дёрнул ручку. Закрыто.

Постучал - требовательно, громко, как стучат, когда хотят, чтобы их услышали.

Тишина.

- Да сколько можно?! - рявкнул он на весь салон. - Там что, поселились?!

Несколько человек вздрогнули. Кто-то обернулся. Бизнесмен ударил кулаком по двери - глухой звук прокатился по салону.

- Открывайте! Вы не одни в самолёте!

Тишина. Абсолютная, ватная, непроницаемая.

Бизнесмен постоял, тяжело дыша, потом развернулся и пошёл обратно, громко топая. Проходя мимо Евы, она увидела его лицо вблизи - красное, злое, но в глазах... в глазах было что-то другое. Не злость. Растерянность? Страх?

- Он боится, - тихо сказала Ева, когда бизнесмен скрылся в своём ряду.

- Кто? - спросил незнакомец.

- Этот мужчина. Он злится, но на самом деле боится.

- Ты права.

- Откуда вы знаете?

- Я вижу, - просто ответил он. - Он боится не того, что в туалете. Он боится, что не успеет. У него важная встреча в Лондоне. Сделка на миллион. Если опоздает - всё рухнет. Он уже проиграл один контракт месяц назад. Этот - последний шанс.

Ева смотрела на него, не веря.

- Вы не можете этого знать.

- Могу, - спокойно сказал незнакомец. - И ты тоже можешь. Просто смотри не на маску, а под неё.

- Под маску?

- Он злится, потому что бессилен. А бессилен он потому, что боится. А боится потому, что его жизнь висит на волоске. Только волосок этот - не в Лондоне. Он внутри. Он уже проиграл себе задолго до этого полёта. Просто не признаётся.

Ева вспомнила, как бизнесмен несколько часов назад работал, не поднимая головы. Как бормотал что-то во сне. Как лицо у него было пустым, мёртвым.

- Вы хотите сказать, он... несчастлив?

- Я хочу сказать: не суди. Никогда не суди, пока не встанешь на его место. С виду - победитель. Деньги, власть, статус. А внутри - пустота и страх. Он кричал на подчинённых не потому что плохой. Потому что боится. И этот страх сжирает его день за днём.

Ева молчала, переваривая.

- Но он же сам выбрал такую жизнь, - сказала она наконец. - Сам выбрал гонку, деньги, этот ритм.

- Выбрал, - кивнул незнакомец. - Как и ты когда-то выбрала отношения, в которых тебя не видели. Как и твоя мать выбрала молчание, когда ты уходила. Мы все выбираем. Вопрос не в выборе. Вопрос в том, видим ли мы последствия.

В салоне стало шумно. Несколько пассажиров одновременно заговорили, перебивая друг друга. Пожилая женщина в очках встала и подошла к стюардессе, что-то зашептала ей на ухо. Стюардесса кивнула, улыбнулась профессиональной улыбкой и направилась к туалетам.

- Сейчас она постучит, - сказал незнакомец, - и всё будет как раньше. Спокойно. Обыденно. Люди успокоятся.

- А на самом деле?

- А на самом деле ничего не изменится. Потому что они не готовы видеть.

Стюардесса подошла к двери. Постучала - вежливо, как учили. Наклонилась к щели:

- Вам помочь? Всё в порядке?

Тишина.

Она постучала ещё раз, громче.

- Если вам нужна помощь, нажмите кнопку вызова. Я подожду.

Ни звука.

Стюардесса оглянулась на пассажиров, которые теперь все смотрели на неё. Улыбка на её лице стала чуть более напряжённой.

- Подожду здесь минуту, - сказала она громко, ни к кому

не обращаясь. - Наверное, человеку нехорошо.

Она встала у двери, сложив руки перед собой. Пассажиры начали перешёптываться, но постепенно отводили взгляды и возвращались к своим делам. Ева видела, как напряжение спадает - не потому что всё разрешилось, а потому что появилась фигура, которая взяла ответственность на себя.

- Она не откроет, - тихо сказала Ева.

- Нет, - согласился незнакомец.

- И что будет?

- А ты как думаешь?

- Я думаю, - Ева сглотнула, - что это не просто так. Что всё, что вы говорили про случайности, про выбор, про души... Это всё связано. С этой дверью. С этими людьми.

- Связано, - кивнул он.

- И со мной?

- С тобой - в первую очередь.

Она хотела спросить ещё, но в этот момент мужчина в клетчатой рубашке - тот, что поглядывал на часы - встал и решительно направился к стюардессе.

- Сколько можно ждать? - спросил он громко. - Там два человека уже полчаса! Или пусть выходят, или открывайте дверь!

Стюардесса повернулась к нему.

- Я жду, когда они ответят. Если через минуту тишина - я сообщу старшему бортпроводнику.

- А что он сделает? Выломает дверь?

- У нас есть инструкции.

Мужчина фыркнул, но отошёл. Вернулся на место, сел, но видно было - не успокоился. Вертел головой, поглядывал то на дверь, то на часы.

Ева повернулась к незнакомцу.

- Вы говорили про выбор. Про то, что человечество когда-то стояло на распутье. Расскажите. Пожалуйста. Мне нужно понять.

Он посмотрел на неё - долго, изучающе. Будто решал, стоит ли.

- Хорошо, - сказал наконец. - Слушай.

Он откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди. Голос его стал тише, но каждое слово врезалось в тишину.

- Давным-давно, когда люди ещё жили в гармонии с землёй и друг с другом, у них был доступ ко всему. К знаниям, к энергии, к пониманию того, как устроен мир. Это был золотой век - не в мифах, а на самом деле. Они не воевали, не делили, не враждовали. Они просто... были.

- И что случилось?

- Появились те, кто решил: так нельзя. Слишком много свободы. Слишком много знаний. Люди начинают думать по-разному, понимать по-разному, видеть по-разному. Каждый день рождаются новые идеи, новые смыслы. Это прекрасно, но это хаос.

- Хаос?

- Да. Когда у каждого своя правда, трудно договорить-

ся. Трудно построить что-то общее. Трудно управлять. Не в смысле власти - в смысле направления. Чтобы двигаться вперёд, нужно хотя бы примерно понимать, куда.

Ева слушала, затаив дыхание.

- И тогда самые развитые, самые мудрые люди того времени собрались вместе. Не на совещании, не на встрече - на уровне души. Они чувствовали друг друга за тысячи километров. Им не нужны были слова. Они знали.

- Знали что?

- Что настал момент выбора. Можно оставить всё как есть - и мир погрузится в бесконечный хаос мнений, идей, конфликтов. А можно взять контроль и направить.

- И они выбрали контроль?

- Они выбрали путь, - поправил незнакомец. - Тяжёлый, страшный путь. Они решили дать людям иллюзию выбора. Разделить их, чтобы объединить. Создать системы, в которых каждый найдёт своё: кто-то - религию, кто-то - деньги, кто-то - власть, кто-то - развлечения. Чтобы все были чем-то заняты и никто не задавал главных вопросов.

- И что, сработало?

- А ты посмотри вокруг, - он кивнул на салон. - Люди летят в Лондон. Кто-то - к любви, кто-то - от любви, кто-то - за деньгами, кто-то - за приключениями. У всех есть цель. Все чем-то заняты. Но счастливы ли они?

Ева вспомнила бизнесмена с его пустыми глазами. Женщину с часами, которая ушла и не вернулась. Девушку с пир-

сингом, плакавшую в телефон.

- Не похоже, - тихо сказала она.

- Потому что счастье не в целях. Счастье - в гармонии. А гармонию нельзя купить, нельзя получить, нельзя достичь. К ней можно только вернуться.

- Вернуться? Откуда?

- Оттуда, откуда мы все пришли. Из того самого золотого века. Из состояния, когда мы знали, кто мы есть. А потом нам дали игрушки и сказали: играйте. И мы заигрались.

Он помолчал.

- Те, кто принял то решение, ушли в тень. Навсегда. Они оставили после себя последователей, которые должны были следить, чтобы системы работали. Чтобы хаос не вышел из-под контроля. Иногда они вмешивались, направляли лидеров, подсказывали. Но каждый лидер выбирал сам - как поступить. И мы видели и ошибки, и победы. Всё зависело от чистоты сердца.

- А вы? - Ева смотрела на него в упор. - Вы из них?

Он посмотрел ей прямо в глаза.

- Я один из рода. Того самого, что хранит знание. Мы живём среди вас. Мы не вмешиваемся напрямую. Мы просто... рядом. Когда нужно.

- И ваша миссия - направлять?

- Моя миссия - будить. Тех, кто готов.

- А я готова?

- Ты задаёшь вопросы. Это первый шаг.

В салоне снова стало шумно. Стюардесса, простоявшая у двери пять минут, наконец ушла - видимо, докладывать старшему. Пассажиры зашевелились, заговорили громче.

Но дверь всё так же молчала.

Ева посмотрела на незнакомца.

- Скажите, а привычки? Алкоголь, сигареты, наркотики... Это ведь тоже часть системы? Чтобы мы не просыпались?

- Часть, - кивнул он. - Самая грубая, но самая действенная. Когда человек пьёт, курит, принимает дурман, он отключается. Не только от реальности - от себя. От своей души. Ему кажется, что ему хорошо, а на самом деле он просто не чувствует боли.

- А боль - это сигнал?

- Да. Боль - это сигнал, что ты жив. Что-то идёт не так. Что пора что-то менять. А когда ты глушишь боль химией, ты глушишь и сигнал. Ты перестаёшь расти. Застываешь на месте.

Ева вспомнила вечера, когда после очередного скандала с бывшим она открывала бутылку вина. Одна. На кухне. Чтобы не думать. Чтобы не чувствовать.

- Я тоже так делала, - тихо сказала она.

- Знаю.

- И что мне теперь? Корить себя?

- Зачем? - он чуть улыбнулся. - Ты живая. Ты искала выход. Просто не знала, где он. Теперь знаешь.

- Где?

- Внутри. Всегда был внутри.

Она хотела спросить ещё, но в этот момент в проходе появился старший бортпроводник - мужчина лет сорока, с нашивками, с лицом, выражающим уверенность. Он подошёл к двери, постучал чётко, по-деловому.

- Бортпроводник. Откройте, пожалуйста. Нам нужно убедиться, что с вами всё в порядке.

Тишина.

Он постучал ещё раз, сильнее.

- Если вы не откроете, я буду вынужден применить аварийный доступ.

Ни звука.

Бортпроводник оглянулся на пассажиров. В салоне стало тихо - так тихо, что было слышно гул двигателей и чьё-то нервное дыхание.

Ева смотрела на дверь и чувствовала, как внутри разрастается что-то огромное. Не страх - предчувствие. Будто сейчас, сию секунду, решается что-то важное. Не для тех, кто за дверью. Для неё.

Бортпроводник достал какой-то ключ, вставил в замок. Щелчок прозвучал как выстрел.

- Скажите, - прошептала она, не оборачиваясь, - а что там?

- Там то, что ты готова увидеть, - тихо ответил незнакомец.

- Я не готова.

- Готова. Иначе не спрашивала бы.

Она сжала подлокотник - и разжала пальцы. Сама. Без напоминания.

Дверь приоткрылась на сантиметр. Тёмная щель, из которой не доносилось ни звука.

Бортпроводник потянул ручку на себя.

И в ту же секунду свет в салоне мигнул. Раз. Два. Погас на секунду - и зажегся снова, но тусклее, жёлто, тревожно.

Кто-то вскрикнул. Кто-то выругался. Ребёнок заплакал.

А бортпроводник отшатнулся. Сделал шаг назад, будто увидел что-то, чего не должен был видеть. Ручка выскользнула из его пальцев, и дверь с тихим щелчком захлопнулась обратно.

Он постоял несколько секунд, глядя на неё. Потом резко развернулся и быстро пошёл прочь, даже не оглянувшись на пассажиров.

- Что... что это было? - выдохнула Ева.

Незнакомец молчал. Долго. Очень долго.

А дверь в конце салона снова была закрыта.

Глава 8 "Шок"

Прошло ещё десять минут. Или двадцать - Ева потеряла счёт времени. Она перестала смотреть на часы, потому что стрелки будто застыли. В салоне время текло иначе, тягуче, как смола.

Салон гудел, как трансформаторная будка перед взрывом. Гул этот был низким, вибрирующим, он проникал в грудную клетку и оставался там, заставляя сердце биться быстрее. Пассажиры переговаривались громче обычного, но в их голосах не было обычной предпосадочной суеты - была тревога, которую они пытались заглушить словами. Они то и дело поглядывали на дверь в конце прохода. Кто-то встал, прошёлся по ряду, сел обратно, но через минуту вставал снова - нервы не давали усидеть на месте.

Женщина с ребёнком нервно поправляла одеяло, хотя малыш давно спал, уткнувшись носом в её плечо. Она гладила его по голове, но взгляд её был прикован к той самой двери. Пальцы дрожали, и она сжимала их в кулак, чтобы никто не заметил.

Мужчина в клетчатой рубашке - тот, что уже подходил к стюардессе - теперь сидел, напряжённо вцепившись в подлокотники. Костяшки пальцев побелели. Он смотрел прямо перед собой, не мигая, будто пытался силой мысли заставить дверь открыться.

- Тридцать пять минут, - сказал бизнесмен громко, ни к кому не обращаясь. Голос его прозвучал резко, как пощёчина. - Тридцать пять минут там сидят. Это ненормально.

Никто не ответил. Все и так знали, что это ненормально. Но когда кто-то произносит это вслух, отрицать правду становится невозможно.

Он снова встал и решительно направился к двери. Ева провожала его взглядом, чувствуя, как сердце начинает биться чаще. Она заметила, что вцепилась в подлокотник, и заставила себя разжать пальцы. «Разжать пальцы», - вспомнила она слова незнакомца в начале полёта. Тогда это казалось метафорой. Сейчас - единственным способом не сойти с ума.

Бизнесмен подошёл к двери. На секунду замер, будто собираясь с духом. Потом дёрнул ручку - резко, с силой. Закрыто. Он постучал - кулаком, громко, так, что звук разнёсся по салону, отражаясь от стен и возвращаясь глухим эхом.

- Эй! Вы там живы вообще?

Тишина. Та самая ватная тишина, которая была хуже любого крика. Она давила на уши, заполняла голову, не оставляла места для мыслей.

Он постучал ещё раз. Потом ещё. Потом навалился плечом на дверь - бесполезно. Дверь даже не дрогнула.

- Чёрт! - выдохнул он и со всей силы ударил по двери ладонью.

Глухой хлопок прозвучал как выстрел. Несколько человек вздрогнули. Кто-то вскрикнул. И снова тишина.

Пассажиры зашептались. Шёпот этот нарастал, как гул пчелиного роя, готового сорваться с места. Кто-то бросил: «Да что происходит?» Женщина в очках - та самая, что говорила с девушкой о книге - встала и подошла к бизнесмену. Двигалась она медленно, будто через силу.

- Может, позвать кого-то из экипажа? - спросила она тихо. - У них есть ключи, они могут открыть.

- А толку? - бизнесмен обернулся к ней. Лицо его было красным, злым, но в глазах плескалось что-то другое. Растерянность. Страх. - В прошлый раз открыли - и что? Свет погас, дверь захлопнулась, никто не зашёл. А эти двое так и сидят там.

- Но стюардесса же приходила, - не унималась женщина. Голос её дрожал, но она пыталась говорить уверенно. - Она сказала, что подождёт.

- И где она? - бизнесмен обвёл рукой салон. - Нет её. Ушла и не вернулась.

Женщина оглянулась, будто ища стюардессу глазами. Действительно, та девушка, что дежурила у двери, куда-то исчезла. Её не было видно ни в проходе, ни среди пассажиров. Она просто испарилась.

- Странно, - пробормотала женщина и вернулась на своё место.

Ева смотрела на всё это и чувствовала, как внутри разрастается холод. Он начинался где-то в животе и медленно поднимался вверх, к груди, к горлу. Она повернулась к незна-

комцу.

- Где стюардесса? Та, что стояла у двери?

- Ушла, - спокойно ответил он. Голос его был ровным, будто они обсуждали погоду за бортом.

- Куда?

- Докладывать.

- И что?

- И не вернётся.

Ева похолодела. Она вдруг отчётливо поняла, что он не шутит. Что за этими словами стоит знание, которого у неё нет.

- Почему вы так говорите?

- Потому что она уже сделала выбор. Как и те двое.

- Какой выбор?!

Незнакомец посмотрел на неё долгим взглядом. В глазах его не было ни жалости, ни сочувствия. Только бесконечная усталость и что-то ещё, чему она не могла подобрать названия.

- Скоро узнаешь.

Она хотела возразить, закричать, заставить его объяснить. Но в этот момент в проходе появилась стюардесса. Другая.

Ева узнала её - та самая, что в начале полёта разносила напитки. Молодая, с собранными в пучок волосами, с профессиональной улыбкой, которая сейчас казалась натянутой до предела, как струна перед тем, как лопнуть.

Она шла медленно, слишком медленно. Глядя на пасса-

жиров, которые провожали её взглядами. Десятки пар глаз впились в неё, и под этим взглядом она будто сжималась, становилась меньше. Подошла к двери, остановилась.

- Всем спокойно, - сказала она громко, но в голосе чувствовалась дрожь. - Я сейчас всё выясню.

Она постучала - вежливо, как учат. Три коротких удара.

- Вам помочь? Всё в порядке?

Тишина.

Она постучала ещё раз, громче.

- Если вы там, ответьте, пожалуйста. Нам нужно знать, что с вами всё хорошо.

Ни звука.

Стюардесса оглянулась на пассажиров. Все смотрели на неё. В салоне стало тихо - так тихо, что было слышно, как гудит кондиционер. Как кто-то сглатывает. Как скрипит кресло под тяжестью тела.

Она взялась за ручку. Потянула.

Дверь не поддалась.

- Заперто, - сказала она, ни к кому не обращаясь.

- У них есть ключ! - крикнул кто-то из задних рядов. Голос был высоким, почти истеричным. - У старшего бортпроводника!

- Я знаю, - ответила стюардесса. - Но он... он не хочет подходить.

- Почему?!

Она не ответила. Просто стояла, глядя на дверь. В про-

филь было видно, как дрожит её нижняя губа. Она сжимала и разжимала пальцы, будто считала про себя.

А потом случилось то, от чего у Евы перехватило дыхание.

Дверь щелкнула.

Сама. Без ключа. Без ручки. Просто щелчок - и она чуть-чуть приоткрылась.

Стюардесса замерла. Пассажиры замерли. Даже кондиционер, казалось, перестал гудеть. Тишина стала абсолютной, плотной, как стена.

- Что это? - прошептала женщина в очках.

Стюардесса медленно потянула ручку на себя. Дверь поддалась - легко, бесшумно. Открылась на ширину ладони.

Темнота. За ней была только темнота. Не чёрная, не серая - абсолютная, густая, как будто за дверью не было вообще ничего. Ни звука, ни запаха, ни движения.

- Есть кто? - голос стюардессы дрогнул, сорвался. - Вы здесь?

Тишина.

Она сделала шаг вперёд. Заглянула внутрь.

- Господи... - выдохнула она. В этом выдохе было что-то странное - не страх, не ужас, а скорее узнавание. Будто она увидела то, что всегда знала, но боялась признать.

И шагнула за дверь.

Ева видела, как её фигура исчезает в темноте. Медленно, будто темнота заглатывала её - сначала плечо, потом голову,

потом всю. На секунду мелькнул край формы - и пропал.

Дверь начала закрываться.

Медленно. Очень медленно. С тихим шипением, будто кто-то выдыхал.

Стюардесса не выходила.

Щелчок замка прозвучал как выстрел. Как финальный аккорд.

И стало тихо.

Абсолютно, ватно, непроницаемо тихо. Тишина эта давила на уши, на глаза, на кожу. Казалось, даже мысли в голове замерли.

Ева не дышала. Она смотрела на дверь и не могла пошевелиться. Пальцы вцепились в подлокотник так, что ногти побелели.

- Она... она зашла, - прошептала она. Голос прозвучал глухо, будто из-под толщи воды. - И не вышла.

- Да, - тихо ответил незнакомец.

- Там... там же ничего нет. Только темнота.

- Для тебя - темнота. Для неё - то, что она готова увидеть.

- Что это значит?!

Он не ответил. Просто смотрел перед собой.

В салоне началось движение. Резко, как если бы прорвало плотину. Кто-то вскочил, побежал в сторону кабины пилотов. Кто-то застыл, глядя в одну точку, и по щекам его текли слёзы. Женщина с ребёнком прижимала малыша к груди так сильно, что тот заворочался, захныкал во сне. Бизнесмен си-

дел, уставившись на дверь, и лицо его было белым как мел. Губы шевелились, будто он читал молитву.

- Спокойно! - крикнул кто-то из пассажиров. Мужчина в очках, интеллигентного вида. - Надо сохранять спокойствие!

- Какое спокойствие?! - заорали из другого ряда. - Там три человека пропали!

- Четыре, - тихо поправила женщина в очках. Голос её звучал странно, отстранённо, будто она говорила о чём-то неважном. - Та девушка с пирсингом, женщина с часами, стюардесса, которая дежурила, и теперь эта...

- И старший бортпроводник тоже не выходит на связь, - добавил кто-то.

- Где пилоты? Почему они ничего не делают?

- Может, они тоже...

- Не надо.

Голос был твёрдым. Все обернулись. Это сказал мужчина лет пятидесяти, в простой куртке, который до этого всю дорогу молчал. Он сидел у окна, и лицо его было совершенно спокойным.

- Паника не поможет, - сказал он. Голос звучал ровно, без эмоций. - Сядем на место и подождём. Если что - экипаж знает, что делать.

- А если экипаж тоже... - начал кто-то.

- Значит, будем решать сами.

Ева смотрела на него и вдруг подумала: а ведь он прав. Паника не поможет. Она оглянулась на незнакомца.

- Почему они так реагируют? - тихо спросила она. - Одни бегут, другие замирают, третьи пытаются командовать?

- Потому что каждый выбирает свою защиту, - ответил он. - Кто-то - действие, кто-то - отрицание, кто-то - контроль. Это не плохо и не хорошо. Это просто реакция.

- А какая правильная?

- Нет правильной. Есть твоя.

- Я не знаю, какая моя.

- Знаешь. Просто ещё не готова признать.

Она хотела спросить, что он имеет в виду. Но в этот момент дверь снова щелкнула.

Все замерли. Снова. Как по команде.

Она открывалась. Медленно. Бесшумно.

Тёмная щель расширялась - сначала на ладонь, потом на две, потом на три. И оттуда полился свет.

Не яркий, не слепящий. Тёплый, золотистый, как закат в то самое утро, когда она улетала из Москвы. Он лился в салон, заливал кресла, лица, руки. Касался кожи, и кожа под ним теплела.

Кто-то зажмурился. Кто-то, наоборот, подался вперёд, ловя этот свет лицом.

Ева смотрела на этот свет и чувствовала, как внутри тает холод. Не страх уходил - страх остался, никуда не делся. Но появилось что-то ещё. Что-то огромное, спокойное, древнее. Она не могла назвать это словами.

- Что это? - прошептала она.

- Свет, - ответил незнакомец. Голос его звучал мягче, чем обычно. Почти тепло.

- Откуда он?

- Оттуда, откуда мы все пришли.

Она повернулась к нему. В его лице не было удивления. Только принятие.

- Я должна туда пойти?

- Ты должна сделать выбор. Сама. Когда будешь готова.

- А если я не готова?

- Тогда ты останешься здесь. И будешь жить дальше. Как жила. Но знать - будешь всегда.

- Что знать?

- Что есть что-то большее. Что дверь существует. Что однажды ты к ней вернёшься. В этой жизни или в следующей.

Она смотрела на свет. Он был тёплым, живым, зовущим. Но в этом зове не было насилия. Можно было отвернуться, и ничего бы не случилось.

- А те, кто зашёл? - спросила она. - Они... они в порядке?

- Они там, где должны быть.

- Это не ответ.

- Это единственный ответ, который ты сейчас можешь понять.

И вдруг дверь снова закрылась.

Щелчок - и всё исчезло. Снова серая пластиковая дверь. Снова тусклый свет салона. Снова гул двигателей.

Кто-то выдохнул - так громко, что стало слышно во всём

салоне. За ним выдохнули другие. Воздух наполнился звуками - кашлем, всхлипами, чьим-то нервным смехом.

Ева выдохнула следом. Она не заметила, что всё это время не дышала. В груди закололо, и она поняла, что мышцы затекли от напряжения.

- Скоро посадка, - тихо сказал незнакомец. - У тебя есть время.

- Для чего?

- Решить.

Он отвернулся к иллюминатору. За стеклом уже виднелись огни - россыпь жёлтых точек, приближающихся с каждой секундой. Лондон.

А Ева смотрела на дверь и чувствовала, как внутри растёт что-то огромное. Не страх. Не любопытство. Даже не решимость - что-то другое, чему она не знала названия. Это было похоже на то чувство, когда стоишь на краю обрыва и знаешь, что можешь шагнуть. Можешь не шагать. Но само знание, что выбор есть, меняет всё.

Она сидела, вцепившись в подлокотник, и вдруг поняла, что пальцы разжаты. Сами. Она не заметила, когда это случилось.

- Скажите, - тихо спросила она, не оборачиваясь. - А что вы видите, когда смотрите на эту дверь?

Он помолчал. Так долго, что Ева уже решила - не ответит. Потом заговорил:

- Я вижу не дверь. Я вижу выбор. Каждый раз. Для каждо-

го, кто к ней подходит. Для каждого он разный. Кто-то видит страх. Кто-то - надежду. Кто-то - то, что потерял и не надеялся найти. А кто-то - просто серую пластиковую дверь, за которой ничего нет.

- А вы?

- Я вижу всё сразу. И ничего. Это трудно объяснить.

- И что вы выбираете?

- Я уже выбрал. Давно. Моя задача - не выбирать за других. А быть рядом, когда они выбирают сами.

- Это тяжело?

- Это честно.

Она кивнула. Сама, не зная, чему. Просто кивнула, потому что внутри вдруг стало спокойно. Не тихо, не пусто - именно спокойно. Как в детстве, когда просыпаешься ночью и понимаешь, что мама рядом, можно не бояться.

За окном огни становились всё ярче. Самолет слегка накренился, заходя на посадку. Кто-то завозился, защёлкал ремнями. Обычная предпосадочная суета, которая вдруг показалась дикой, неуместной.

А дверь в конце салона всё так же молчала.

Серая, пластиковая, обычная.

Но теперь Ева знала: за ней есть что-то. Или ничего. И то и другое одинаково возможно.

Где-то впереди была земля. Где-то позади - всё, что она оставила. А здесь, на высоте нескольких тысяч метров, в тесном кресле, она смотрела на дверь и ждала.

Ждала, когда сможет решить.

Глава 9 "Выбор"

В салоне повисла тишина. Не та, что бывает перед взлётом, когда все замирают в ожидании отрыва шасси, и не та, что наступает после объявления посадки, когда пассажиры начинают собираться с мыслями, в предвкушении прибытия. Эта тишина была другой. Она заполнила собой всё пространство, давила на уши, заставляла сердце биться быстрее, а мысли - замедляться, вязнуть, как в густом сиропе. Казалось, даже воздух стал плотнее, тяжелее, будто самолёт замер в какой-то невидимой стене, и время больше не имело значения.

Ева сидела, с целым потоком мыслей, и смотрела на дверь в конце прохода. Серая пластиковая дверь, каких тысячи на любом рейсе. Обычная. Ничем не примечательная. Но теперь она казалась чем-то иным. Границей. Между тем, что было, и тем, что будет. Или между тем, что она знала, и тем, чего никогда не понимала. Её пальцы побелели от напряжения, ногти впивались в мягкий пластик, но она не чувствовала боли. Только это странное, липкое ожидание, которое скручивало внутренности тугим узлом.

Прошло уже пять минут с тех пор, как закрылась дверь за второй стюардессой. Или десять? Ева потеряла счёт времени. Часы на его запястье показывали что-то, но стрел-

ки, казалось, застыли. Где-то впереди, за стенами самолёта, был Лондон. Где-то позади - Москва. А здесь, в этом тесном пространстве, время будто остановилось. Оно растягивалось, как резина, и каждая секунда казалась вечностью. Гул двигателей стал каким-то другим - не ровным, как обычно, а прерывистым, будто они работали на пределе, или, наоборот, замедлялись, готовясь к посадке.

В салоне начали шевелиться. Кто-то встал, прошёлся по проходу, сел обратно. Женщина прижимала ребёнка к себе, будто боялась, что он тоже исчезнет. Мужчина в клетчатой рубашке сидел, напряжённо вцепившись в подлокотники, и смотрел прямо перед собой, не мигая. На лбу выступил пот, но он не вытирал его, будто боялся, что любое движение может что-то нарушить.

- Мы же скоро садимся, - сказал кто-то из задних рядов. Голос был высоким, почти истеричным. - Что происходит? Почему никто ничего не объясняет?

Никто не ответил. Тишина давила на уши, заполняла голову, не оставляя места для мыслей. Пассажиры переглядывались, но никто не решался говорить громко. Будто слова могли сделать происходящее реальным.

Бизнесмен, который несколько часов назад кричал в воздух на подчинённых, теперь сидел, уставившись в пол. Лицо его было белым, как мел, а руки лежали на коленях, неестественно выпрямленные, будто он боялся пошевелиться. Он смотрел на дверь, но не так, как другие. Не с ужасом, не с

надеждой. С каким-то странным пониманием, будто он уже знал, что там, и знал, что ничего не может изменить.

- Самолёт заходит на посадку, - произнёс он глухо, ни к кому не обращаясь. - Я чувствую. Шасси уже выпустили.

Он поднял голову, посмотрел на дверь ещё раз.

- Но там... - он замолчал, не закончив фразу.

Пожилая женщина в очках, та, что говорила с девушкой о книге, сидела, закрыв глаза, и что-то шептала. Молитву? Или просто слова, которые помогали ей не сорваться. Её губы двигались беззвучно, пальцы перебирали край шарфа, намотанного на шею. Рядом с ней девушка с книгой отложила её и теперь смотрела в иллюминатор, хотя за стеклом была только темнота. Она смотрела так пристально, будто надеялась увидеть там что-то, что объяснило бы всё.

- Мы не знаем, что там, - сказала она негромко. - Может, всё объяснят, когда сядем.

- А если нет? - ответил кто-то. - Если пилоты тоже...

- Не надо, - перебил мужчина в куртке. Он сидел у окна и смотрел прямо перед собой, лицо его было спокойным, в голосе чувствовалась сталь. - Паника не поможет. Сядем на место и подождём.

- Ждать чего? - спросила женщина с ребёнком. Губы её дрожали, но она держалась. - Там уже четыре человека.

- Пять, - тихо поправил кто-то из задних рядов. - Старший бортпроводник тоже не выходит на связь. Его не было видно с тех пор, как он открывал дверь ключом.

По салону прокатился шёпот. Кто-то ахнул, кто-то зажмурился, кто-то схватился за телефон, пытаясь поймать сеть, но экран упрямо показывал «нет сигнала». Женщина в очках перестала шептать, открыла глаза, посмотрела на дверь. В её взгляде было что-то, от чего Еве стало не по себе - не страх, не ужас, а какая-то странная, почти детская растерянность.

- Как так? - почти выкрикнул парень в худи, который первым пытался открыть дверь. - Как люди могут просто... исчезнуть?

- Они не исчезли, - сказала женщина в очках. - Они зашли. И не вышли.

- Какая разница? - огрызнулся парень. - Их нет! А мы тут сидим и ждём! Чего мы ждём? Когда самолёт сядет? А если он не сядет? Если с ним тоже что-то случилось?

Он вскочил, подбежал к двери, дёрнул ручку. Раз. Другой. Потом ударил по ней кулаком. Звук глухим эхом разнёсся по салону, кто-то вздрогнул, ребёнок заворочался на руках у матери.

- Откройте! - закричал парень. - Вы там! Откройте!

Тишина. Абсолютная, ватная, непроницаемая.

Он ударил ещё раз, потом навалился плечом, но дверь даже не дрогнула. Металлическая ручка не шелохнулась, замок не щёлкнул. Дверь была глуха, как стена.

- Бесполезно, - сказал мужчина в куртке. - Не трать силы.

Парень обернулся, лицо его было красным, глаза горели, грудь тяжело вздымалась.

- А что ты предлагаешь? Сидеть и ждать, пока мы все туда не шагнём? Ты видел, что там было? Свет? Ты видел этот свет?

- Видел, - спокойно ответил мужчина. - И ничего в этом не понял. Но я знаю одно: если я начну ломать дверь, ничего не изменится.

- А если они там... если им нужна помощь?

- Ты слышал, чтобы кто-то звал на помощь? - спросил мужчина. - Ты слышал хоть звук оттуда?

Парень замолчал. Оглянулся на дверь, потом на пассажиров, которые смотрели на него. В его глазах появилась растерянность, потом злость, потом что-то похожее на отчаяние.

- Я предлагаю не мешать тем, кто может что-то сделать, - закончил мужчина в куртке.

- Кто? Кто может? Пилоты молчат, стюардессы пропали, старший бортпроводник...

Он не договорил.

В проходе показалась фигура.

Стюардесса.

Та самая, что была со старшим бортпроводником в начале. Ева узнала её по причёске, по ровной линии плеч, по тому, как она держалась - прямо, несмотря на всё, что происходило. Но сейчас в её походке не было прежней уверенности. Она шла медленно, будто каждое движение давалось ей с трудом, будто она преодолевала невидимое сопротивление.

Пассажиры замерли. Все взгляды устремились на неё.

Кто-то облегчённо выдохнул, кто-то, наоборот, напрягся ещё сильнее. Женщина с ребёнком прижала малыша к груди, будто пытаясь защитить его от того, что могло случиться.

- Всем спокойно, - сказала стюардесса, остановившись у двери. Голос её звучал ровно, но в нём чувствовалось напряжение. Я сейчас всё выясню.

- Выяснишь? - парень в худи шагнул к ней. – Что происходит?! Куда они делись? Что происходит с самолётом? Почему пилоты молчат?

Стюардесса посмотрела на него. В глазах её мелькнуло что-то - страх? растерянность? усталость? - но она быстро взяла себя в руки.

- Я не знаю, - сказала она тихо. - Но я попробую разобраться.

Она повернулась к двери. Постояла секунду, глядя на неё, потом подняла руку и постучала. Три удара. Вежливо, как учили. Как делала её коллега, которая теперь была по ту сторону.

- Вам помочь? - спросила она в щель. - Всё в порядке?

Тишина.

Она постучала ещё раз, громче. Звук разнёсся по салону, и Еве показалось, что она слышит эхо. Или ей просто показалось.

- Если вы там, ответьте, пожалуйста. Нам нужно знать, что с вами всё хорошо.

Ни звука.

Стюардесса оглянулась на пассажиров. Все смотрели на неё. Она взялась за ручку. Потянула.

Дверь не поддалась.

- Заперто, - сказала она, ни к кому не обращаясь.

- У старшего есть ключ! - крикнул кто-то из задних рядов. - У старшего бортпроводника!

- Я знаю, - ответила стюардесса. - Но он... он не отвечает. Я звонила в кабину, звала по громкой связи. Никто не отвечает.

- Значит, и он там, - прошептала женщина в очках.

Стюардесса стояла, глядя на дверь. Плечи её опустились, будто она вдруг стала старше на десяток лет. Она провела рукой по лицу, выдохнула.

- Я ничего не могу, - сказала она. - Я не знаю... Я никогда...

Она повернулась и пошла обратно по проходу, не глядя на пассажиров. Кто-то попытался её остановить, схватить за руку, но она отстранилась и скрылась за шторкой, ведущей в служебный отсек. Занавеска колыхнулась и замерла. Один из пассажиров скользнул за ней.

В салоне снова зашумели. Голоса накладывались друг на друга, превращаясь в сплошной гул, в котором трудно было разобрать отдельные слова.

- Она ушла! Просто ушла!

- А что ей было делать? Ломать дверь?

- А если пилоты тоже... если они...

- Заткнитесь! Вы что, не понимаете? Мы сейчас сядем, и

всё объяснят! Самолёт заходит на посадку, я чувствую!

- А если не сядем? Если самолёт...

- Сядем, - голос мужчины в куртке перекрыл шум. Он встал, оглядел салон. - Мы заходим на посадку. Я слышу, как работают двигатели. Чувствую, как меняется давление. Мы сядем.

- А дверь? - спросил парень в худи. - А люди, которые туда зашли? Что с ними?

Мужчина помолчал.

- Не знаю, - сказал он наконец. - Но мы ничего не можем сделать. Пока. Сейчас главное - посадка. Остальное потом.

Он сел на своё место, закрыл глаза. Женщина в очках снова начала шептать молитву. Бизнесмен смотрел в иллюминатор, где уже виднелись огни Лондона. Кто-то защёлкал ремнями, кто-то достал телефон, пытаясь снять происходящее, но пальцы дрожали, и кадр плыл.

Ева смотрела на всё это, и ей казалось, что она наблюдает за происходящим сквозь толщу воды. Звуки приглушены, лица расплываются, время течёт иначе. Она сидела, вцепившись в подлокотник, и не могла пошевелиться. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание перехватывало, но она не могла оторвать взгляд от двери.

- Что мне делать? - прошептала она.

Незнакомец повернулся к ней.

- Ты уже знаешь, - сказал он.

- Не знаю.

- Знаешь. Просто боишься признать.

- Я боюсь, - сказала она. Это прозвучало как признание. Как капитуляция.

- Бояться - нормально, - ответил он. - Важно не то, что ты боишься. Важно то, что ты делаешь с этим страхом. Когда ничего не остается, остается только вера.

- А что я делаю?

- Пока - сидишь. Смотришь. Ждёшь, что кто-то решит за тебя.

Она посмотрела на дверь. Серая пластиковая дверь. Обычная. Но за ней - темнота, в которой исчезали люди. И свет, который она видела. Или ей показалось?

- А если я открою - что там?

Он помолчал. Долго. Так долго, что Ева уже решила, что он не ответит.

- То, что ты всегда искала, - сказал он наконец. - Или то, от чего бежала. Разницы нет. Главное - ты перестанешь бежать.

- Я не бегу, - сказала она, но в голосе не было уверенности.

- Ты бежишь всю жизнь, - спокойно ответил он. - От матери, от подруг, от себя. От страха, что ты недостаточно хороша. От боли, которую причиняли другие. От правды, которую не хотела видеть. Ты купила билет в один конец и даже не знала, зачем.

- Я знала, - возразила она. - Я хотела начать новую жизнь.

- Ты хотела сбежать от старой. Это разные вещи.

Ева молчала.

- А теперь бежать некуда, - продолжил он. - Дверь открыта. Ты можешь остаться здесь и ждать, пока самолёт сядет. Или можешь войти.

- И что будет?

- Ты узнаешь. Или не узнаешь. Но ты перестанешь ждать.

Она смотрела на дверь. Серая пластиковая дверь. Обычная.

Самолет слегка накренился. За окном замелькали огни - россыпь жёлтых точек, приближающихся с каждой секундой. Лондон. Кто-то завозился, нервно убирая столики, приводя кресла в вертикальное положение. Обычная предпосадочная суета, которая вдруг показалась дикой, неуместной.

- Мы садимся, - сказал кто-то с облегчением в голосе. - Видите? Всё будет нормально. Сейчас сядем, откроют дверь, и...

- А та дверь? - спросила женщина с ребёнком, кивнув в сторону конца салона.

- Оставьте дверь, - ответил мужчина в куртке. - Мы ничего не можем сделать. Сядем, приедет полиция, разберутся. Не наше это дело.

- А если они там... если им нужна помощь?

- Вы слышали крики? - спросил мужчина. - Вы слышали хоть что-то?

Женщина замолчала.

- Тогда ждём, - сказал он. - Только ждём.

Ева смотрела на дверь. Серая пластиковая дверь. Обыч-

ная. Но теперь она казалась чем-то иным. Она смотрела и чувствовала, как внутри, где-то глубоко, под слоем страха и сомнений, поднимается что-то тяжёлое, твёрдое, незнакомое.

Она медленно поднялась.

- Что ты делаешь? - спросил незнакомец.

Она не ответила.

- Ева, - позвал он. - Ты уверена?

Она посмотрела на него. В его глазах не было страха. Не было надежды. Не было одобрения или осуждения. Было что-то другое. Принятие. Будто он знал, что она решит, и давно уже знал ответ.

- Нет, - сказала она. - Не уверена. Но если не я, то кто?

Она пошла по проходу.

Сначала медленно, будто ноги не слушались, будто кто-то тянул её назад. Потом быстрее. Шаг за шагом, оставляя позади притихших пассажиров, их испуганные взгляды, их шёпот.

Кто-то окликнул её, она не обернулась. Парень в худи, стоявший у двери, посторонился, глядя на неё с недоумением.

- Ты чего? - спросил он. - Бесполезно. Я пробовал.

Она не ответила.

Она протянула руку.

Пальцы коснулись холодного металла. Ручка была гладкой, без единой шероховатости. Обычная ручка, каких тысячи на любом рейсе.

Она повернула. Почему получилось? Как? Моментально возникла смесь вопросов и паники.

Дверь открылась. Раздался сильнейший писк. Он пронзил тишину, ударил по ушам, заставил зажмуриться. А потом яркая, ослепляющая - вспышка.

Глава 10 "Возвращение"

Свет не погас. Он превратился в гул, в боль, в странное ощущение, что тело разобрали на части, а потом собрали заново, но забыли, как оно работает.

Первым вернулся слух. Где-то далеко,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.